ВЕРТИКАЛЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

ЗИЯБУТИН ГАДЖИМИРЗАЕВ

Зиябутин Гаджимирзаев

Вертикаль моей жизни

https://litres.ru/74900808
SelfPub; 2026

Аннотация

В книге в полной мере раскрывается тема, которая бесконечно интересна для всех - тема Высоты. Высоты не только в буквальном, а и в переносном, всеобъемлющем смысле этого понятия. Той Высоты, которую человек себе наметил, к которой он стремится и которую одолевает - порой через неимоверные трудности.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	9
Часть 1. Детство мое деревенское	21
Часть 2. Три вступительных экзамена … за три года	37
Часть 3. Три года по лезвию ножа	54
Часть 4. Кунашир, Кунашир, Кунашир, тебе я юность подарил…	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Зиябутин Гаджимирзаев
Вертикаль моей жизни

Предисловие

Принято считать, что автобиографические воспоминания всегда бывают сильно приукрашены автором в пользу себя, любимого. В таком жанре как-то не очень откровенничают о своих минусах и не вспоминают ситуации, неблаговидные или не сильно привлекательные. Напротив, авторы мемуаров, стараясь казаться предельно объективными, наделяют себя множеством достоинств, нередко умаляя при этом достоинства других.

Ничего подобного мы не встретим в книге воспоминаний Зиябутина Гаджимирзаева. Автор, поведавший нам о своей жизни (точнее будет сказать, о бóльшем отрезке своей жизни), предельно откровенен и вовсе не скрывает того, что другие наверняка предпочли бы утаить. К примеру, ряд неудачных попыток поступления в вуз, или своё увлечение картежной игрой в студенческие годы, или постоянные прогулы занятий, или частые компании, или перепродажа грузинам дефицитных джинсов, и т.д.

С другой стороны, кто-то может посчитать бахвальством, когда автор говорит, что ему легко давались науки, и он без труда решал по жизни те проблемы, которые другой решить бы не смог. Опять же, ничего подобного! Перед нами, повторюсь, предельно откровенный рассказ человека, немало повидавшего в жизни, потерявшего многое и многих, добив-

шегося всего, чего достиг и что имеет, своими силами, своей энергией, своими талантами и способностями. Зиябутин показывает себя таким, каков он есть, без прикрас и без уничижения - «я такой!»

Я бы условно разделила книгу на описание жизни и достижение высоты. В принципе, каждый, кто хочет описать свой жизненный путь, начинает с детства, родителей, близких, учёбы, затем повествует о женитьбе, детях, трудовой карьере и т.д. Это обычная для всех мемуаров схема, и она в большей степени рассчитана на детей, внуков и будущих потомков.

Но в книге Зиябутина Гаджимирзаева присутствует и в полной мере раскрывается другая тема, которая бесконечно интересна для всех, – и это тема Высоты. Высоты не только в буквальном, а и в переносном, всеобъемлющем смысле этого понятия. Той Высоты, которую человек себе наметил, к которой он стремится и которую одолевает – порой через неимоверные трудности.

Повествуя о своих многочисленных восхождениях, Зиябутин раскрывает перед нами именно свои горы и именно свои вершины, на которые он взошёл, которых в жизни достиг или нет.

Человек может прожить всю жизнь, ни разу не задумавшись о горной вершине и о том, какое чувство испытывает тот, кто ценой тяжких усилий достиг её и смотрит теперь на расстилающийся внизу мир, ощущая себя по-настоящему

счастливым и свободным.

Как тут не вспомнить Высоцкого с его «Весь мир на ладони, ты счастлив и нем, и только немного завидуешь тем, другим, у которых вершина ещё впереди»…

Вершины Зиябутина Гаджимирзаева – самые разные как географически, так и по высоте, но все они олицетворяют цель, которую человек ставит перед собою и которую достигает. Читая его рассказы о восхождениях, будто присутствуешь или даже соучаствуешь в них, они настолько реальны и красочны, что дух замирает перед картиной этих гор и торжествует, добравшись до их пиков.

Как правило, мещанин-обыватель недоумевает, для чего и кому это нужно – лазить по скалам, взбираться на горы, подвергая себя риску свалиться в пропасть, с трудом взойти на вершину, чтобы постоять там немного и спуститься обратно… «И что?!» - спросит он. И тут наилучший ответ даёт сам автор, Гаджмирзаев Зиябутин, чьи слова, которые я хочу привести, являются той самой «вишенкой на торте»: «Наверное, все, кто ходят в горы, - романтики в той или иной степени (положительные эмоции, ощущение окружающего мира, оптимизм) в противовес серым будням, материальным ценностям. Это не значит, что материальные ценности не имеют значения, но всё равно горы – в первую очередь. Сказал бы так: чем прийти с работы, лечь на диван и смотреть телевизор или что-то в этом роде, лучше пойти в горы. Необязательно дойти до вершины. Сколько бы ни прошёл – это твоё.

Это запомнится. Это даст определённый заряд. … восхождение на горные вершины – это постоянная борьба и преодоление трудностей. Это оценка собственных сил, самоутверждение. В горах нет места для слабости и лени. Горы не прощают ошибок. И последствия здесь могут быть самыми трагическими. Каждый шаг в горах и каждый вздох даются с трудом. Это серьёзное испытание! Но именно в горах человек может познать себя и свои возможности. Он может научиться быть сильным, выносливым и целеустремленным.

Горы – это не только место для физических испытаний. Они также являются источником духовного роста. Здесь человек может обрести гармонию с собой и с окружающим миром. Он может научиться ценить красоту природы. Ничто не сравнится с тем, что ты испытываешь на вершине. … Те, кто однажды пошли в горы, никогда не пожалеют об этом. Горы изменят их жизнь навсегда и сделают их сильнее, мудрее и добрее».

Я бы добавила здесь, что горы учат ценить то «чувство локтя», истинной дружбы и взаимоподдержки, о которых так замечательно рассказал в своей книге Зиябутин. И те друзья-альпинисты, которым он посвятил самые искренние слова любви, уважения и признательности, также являются частью его жизненных вершин.

Здоровья, удачи и новых вершин, дорогой Зиябутин!

ЖАННА АБУЕВА

Пролог

17 августа 2021 года. Я стою на вершине Пика Ленина высотой 7134 метра. Я счастлив, но никаких эмоций нет. Чувствую сильную усталость и голод. За 13 часов, что мы поднимались из штурмового лагеря до вершины, я смог сделать только два глотка чая. И все. Сильно тошнит, ничего не идет. Кроме того, на вершине бушует ураганный ветер и мороз за 30 градусов. Конечно, Пик Ленина – не Эверест! Но для меня Пик Ленина – это мой Эверест! И передо мной, как в калейдоскопе, одно за другим, сменяя друг друга, начали пробегать события прожитой жизни. Можно сказать, что за те полчаса, что я провел на вершине Пика Ленина, передо мной прошла вся моя жизнь!

И в одно из этих событий память врезалась крепко! И я отчетливо увидел перед собой картину того дня.

…Середина октября 2009 года. Центр сердечно-сосудистой хирургии Национального медико-хирургического Центра им. Н.И.Пирогова, г. Москва. Я уже больше двух недель нахожусь в палате интенсивной терапии, куда был переведен после восьми дней реанимации. Такая палата в отделении всего одна. И единственный пациент данной палаты – я! Дверь палаты – прозрачная, напротив врачебный пост, где постоянно дежурит кто-то из врачей или медсестер. У меня

кнопка, нажатием которой я могу вызвать их к себе в любой момент. Сам я весь в проводах, электродах, все данные идут на экран монитора, который висит на стене надо мной, а сам я посредством различных приспособлений соединен с аппаратом, от которого работает мое сердце. После операции на открытом сердце оно так и не заработало и поэтому я был присоединен к внешнему источнику жизни. Положение тяжелое. Я каждый день по несколько раз теряю сознание, падаю в обмороки. Лежу неподвижно, двигаться не могу, любая моя попытка сделать какое-то движение оборачивается потерей сознания.

И вот в один из таких вечеров в палату зашла медсестра, положила баночку на тумбочку и сказала, что утром придет собрать мочу для анализа. Ночь прошла. Как всегда, плохо спал. Часов шесть утра. Можно уже вызывать медсестру и собрать, что надо. Но я подумал, неужели, сам не смогу это сделать? Не потому что, стыдно перед медсестрой (об этом даже не думал), а потому, что не хотел казаться себе беспомощным человеком.

Я осторожно, как можно медленнее, двигаю руку в сторону тумбочки за баночкой, аккуратно беру ее в руку, после чего двигаю руку в свою сторону так, чтобы подержать баночку и собрать мочу. Мне это удалось сделать, после чего оставалось нажать на кнопку, вызвать медсестру и передать ей баночку. Но я почему-то решил положить баночку обратно на тумбочку и потом уже вызвать ее. И также осторожно

начал двигать руку с баночкой в сторону тумбочки.

…Больше я ничего не помню. Когда врачи привели меня в сознание, я лежал на передвижной кушетке рядом с кроватью, надо мной склонились 4-5 врачей и медсестер, а санитарка заправляла мне чистую постель. Получилось, что от небольшого неловкого движения я в очередной раз потерял сознание и содержимое баночки вылилось на кровать. Естественно, сигнал сразу же пошел на пост, и как я после предположил, помощь была мгновенной. Впрочем, как и не раз до этого. Меня привели в сознание, застелили чистую постель, проверили провода, электроды и переложили обратно в свою постель. И предупредили, чтобы не делал ненужных движений: «У Вас же есть кнопка вызова, вызывайте в любой момент, когда нужна помощь».

Врачи и медсестры ушли. Лежу на чистой, сухой постели. Но мне некомфортно. Все время думаю. Думаю, как же я, в свои 44 года, оказался в такой беспомощной ситуации и сколько это еще будет продолжаться?! И тут я вспомнил, как всего за два месяца до этого оказался в практически безвыходной ситуации на высоте более 4000 метров над уровнем моря на горе Шалбуздаг. Я тогда поднимался на Шалбуздаг с двумя довольно опытными альпинистами, которые до этого уже бывали на его вершине. Видя, что они идут медленнее меня, я решил пойти вверх один и уже на вершине или вблизи ее дождаться их. Но тогда, не имея почти никакого опыта в горах, я даже не представлял себе, насколько это

опасно и рискованно идти одному на незнакомую гору. И, не зная маршрута, пошел не в ту сторону. И вместо вершины оказался значительно дальше от нее …на открытой скале! Передо мною по всей длине гребня была вертикальная скала высотой метров 70-80, а назад спускаться было невозможно. Ни назад, ни вперед дороги нет! А там, где я стоял, едва помещались мои ноги. В итоге мне пришлось с рюкзаком на спине пройти по этой вертикальной 80-метровой скале 3-4 метра без всякой страховки (!), цепляясь ногами и руками за небольшие выступы скалы, и уже там спуститься назад и вниз. Любой мой срыв или какое-нибудь неловкое, я бы даже сказал, нервное движение, означали падение на 80 метров вертикально вниз. Я до сих пор не знаю, как смог тогда пройти без страховки по этой вертикальной скале, не сорвавшись вниз! Это необъяснимо! Единственное объяснение - Всевышний не позволил мне сорваться! Другого объяснения у меня нет!

И вот, лежа совершено беспомощный на кровати в палате интенсивной терапии Центра сердечно-сосудистой хирургии, я вспомнил об этом случае. И сказал себе: «Если я тогда из такой ситуации сумел выйти живым и здоровым, сейчас я тем более не сдамся». Это мне придало сил. Я начал, лежа на кровати, тренировать разные движения, начал заниматься. Все мои мысли и действия были направлены на полное исцеление. И через несколько дней я уже мог руками спокойно двигать, приподниматься немного с постели. Еще прошло

какое-то количество дней, и уже садился на кровати. Вскоре я встал с постели и встал на ноги, хотя удержаться на них было очень тяжело. Прошло еще сколько-то дней упорных занятий, и начал делать первые шаги с помощью специального приспособления. И с каждым днем я чувствовал себя все увереннее и увереннее! Естественно, во всем этом мне где советами, где рекомендациями, где своим участием и физической поддержкой помогали врачи и медсестры. Без них мне было бы очень тяжело! Спасибо им огромное за все это!

И в ноябре я уже начал ходить без поддержки. Хоть и медленно, хоть и с трудом, но ходить без всякой поддержки! Это была моя победа! Естественно, ходил я, держа в руках аппарат, от которого работало сердце. Оно в конце концов так и не заработало. Причина – до сердца не доходили сигналы, идущие от головного мозга. Кончилось тем, что мне поставили электрокардиостимулятор, от которого сердце и работает. Заряда его (литиевые батареи) хватает на 8-10 лет. И вот я уже пятнадцать лет живу с ним и давно к этому привык. Сейчас у меня третий уже по счету электрокардиостимулятор. Он конечно же, снижает мои физические способности, по моим ощущениям процентов на 20-30. Но живу я с ним вполне спокойно и комфортно! Так что мне грех по этому поводу жаловаться! Да, конечно же, некоторые осторожности надо соблюдать, не без этого. Например, мне нельзя проходить вблизи всяких магнитных полей или же высоковольтных линий. У меня есть удостоверение международ-

ного образца, по которому я прохожу в аэропорту в обход рамки металлоискателя.

Расскажу немного о самой операции на сердце и ее предысторию. Еще когда я учился в школе, мне говорили врачи, что с сердцем что-то не в порядке и надо обследоваться. Но я не придавал большого значения этим заявлениям, тем более какое могло быть обследование в селе или районе? А когда поступил в институт и начал учиться в Москве, опять поднялся этот вопрос. Меня обследовали, если память не изменяет, в кардиологическом центре и в институте Вишневского. Поставили предварительный диагноз – врожденный порок сердца. От дальнейших обследований и возможных оперативных вмешательств я тогда отказался, опять же, не придав этому особого значения. Жил же до этого, думал я, и дальше проживу.

После этого прошло еще 25 лет. И в какой-то момент, а это уже было в 2009 году, начались боли в области сердца. Меня направили в Москву в Национальный медико-хирургический Центр им. Н.И.Пирогова. После обследования был консилиум во главе с бывшим министром здравоохранения РФ, известным кардиохирургом Шевченко Юрием Леонидовичем. Меня предупредили, что без операции я смогу спокойно прожить до старости лет, но могу точно также спокойно лишиться жизни в любой момент по причине сердечной недостаточности. Юрий Леонидович прямо сказал мне, что операция желательна, но это – операция на открытом серд-

це и, естественно, риски существуют. И принимать решение, делать ее или нет, нужно мне самому. Я дал добро, так как жить с бомбой замедленного действия мне вовсе не хотелось.

Операция была весьма сложная и продолжалась, как потом мне сказали, 5-6 часов. Я начал постепенно отходить после наркоза и приходить в себя на следующий день. Лежал неподвижно, двигаться не мог, но мог видеть, что вокруг меня много приборов и на мне также много всяких проводов, электродов, датчиков и т.д. В реанимации постоянно находились врачи, обсуждали больных. Но я стал замечать, что возле меня они останавливаются дольше, чем возле других, и все время что-то обсуждают. И все чаще и чаще до меня доходили слова «полная блокада», «какая-то степень» и еще разные там термины. Выяснилось, что цель операции была достигнута, дефекты устранены, но при этом произошла полная блокада сердца. Сердце самостоятельно не запускалось, и работало с помощью прибора, к которому я был соединен посредством различных проводов и электродов.

Я провел в реанимации восемь дней. Восемь чрезвычайно тяжелых дней. И это при том, что в реанимации, где одновременно находилось человек десять-двенадцать прооперированных, больше двух дней никто не задерживался. Всех через день-два переводили в палаты. Я один застрял там надолго. Сна практически не было. На противоположной стене висели часы. Помню, ночью засекал время по настенным часам, закрывал глаза и вспоминал какие-либо события, исто-

рии или читал стихи про себя, чтобы как-то скоротать время. Думал, прошло минут 40-50, открываю глаза, а прошло всего 10 минут. Дальше повторяю то же самое, результат тот же. Впечатление было такое, что время стоит. При этом хочу отметить очень внимательное отношение и отличный уход со стороны медицинского персонала. К примеру, медсестра каждый день обрабатывала меня с ног до головы каким-то раствором. При том, что я не мог поворачиваться в постели, она умудрялась при обработке достать каждую часть моего тела.

За эти восемь дней в реанимации я успел дважды побывать на том свете, но врачи вернули меня к жизни оба раза. В первый раз это случилось на третий день после операции. Произошло, как потом я понял, вот что. Сердце просто-напросто отторгло электроды, которые шли от внешнего прибора к нему и от которых само сердце и работало. Отторгло, как чужеродный предмет. Сердце остановилось. Я помню все это с того момента, когда врачи с помощью каких-то средств вернули меня к жизни. Вижу, что надо мной склонились пять-шесть врачей и медсестер. Один из них объяснял мне что к чему, а остальные активно работали. Вот примерные слова врача, которые были обращены ко мне: «Сердце отторгает электроды и нам необходимо прикрепить под кожей интродьюсер (слово-то какое, название это я тогда так и не запомнил, и только после выяснил). Для этого необходимо резать на груди вживую. Наркоз отпадает. У нас в запасе

всего три, максимум три с половиной минуты. Будет очень больно, но надо терпеть. Другого выхода нет. Иначе можем не успеть». Он говорил, а другие работали, не останавливаясь. Конечно, было больно, очень больно, но я даже не пикнул. Наконец, они сделали то, что должны были сделать, и вздохнули свободно. И я понял, что все было на тоненького и исход мог быть любым. Но врачи сработали блестяще! И после благодарили меня за то, что выдержал все. Говорили, что, если бы я вскакивал от боли или что-то в этом роде, им было бы труднее справиться со своей работой. Я ответил, что это им огромное спасибо, что сработали так оперативно и профессионально. На пятый день был еще один «поход» в потусторонний мир и уже по другой причине. Однако, и на этот раз тоже, благодаря профессионализму врачей все закончилось благополучно. На девятый день меня перевели в единственную в отделении палату интенсивной терапии, а что было дальше, рассказано выше. Огромное спасибо врачам за их профессионализм и самоотдачу! Называть их поименно здесь не буду, так как, к сожалению, не все фамилии врачей, которым я обязан, смогу сейчас вспомнить. Во всяком случае, перед выпиской из больницы я подошел к каждому из них и выразил свою благодарность.

Наверное, в жизни практически каждого человека бывают события, после которых люди многое переосмысливают, по-другому относятся к жизни, меняются ценности, ориентиры, заставляют поверить в себя. Такие события можно назвать

поворотным пунктом в жизни того или иного человека. Наверное, тот случай в больнице, если и нельзя назвать поворотным пунктом в моей жизни, но точно является одним из таких событий и это событие дало мне возможность, я бы даже сказал, заставило поверить в себя! И вот я, который пятнадцать лет назад фактически учился заново ходить, не только начал ходить, но и дошел до вершины Пика Ленина! Потому я и могу назвать его своим Эверестом!

Было еще одно событие в моей жизни, которое оказало большое влияние на мою дальнейшую жизнь и после которого я многое переосмыслил в своей жизни!

…Начало августа 2002 года. Уже четыре года, как я работаю в Дагестанавтодоре. Нахожусь на хорошем счету у руководства, стал ведущим инженером, принимал кое-какое участие в общественной жизни, но сказать, что добился чего-то в жизни или же сделал что-то достойное, я не мог.

И вот, в начале августа у меня начались головные боли, которые были спровоцированы лаком, которым я пользовался при покраске пола у себя дома. Боли не проходили несколько дней и только усиливались. Мне пришлось обратиться к врачам. Сделали рентгеновский снимок. На снимке было видно, что в голове есть какое-то образование, но что именно, врачи не могли сказать из-за нечеткости снимка. На следующий день назначили компьютерную томографию. Двое суток, пока не сделали томографию и не получил ответа на нее, я много думал. И думы мои были связаны тем, что за че-

тыре года до этого, в 1998г., в возрасте 35 лет из-за опухоли головного мозга умерла моя родная сестра, которая была старше меня на два года, оставив двоих маленьких детей. Имея перед собой этот крайне печальный для нашей семьи пример, а также непонятно какое-то образование в голове, я, естественно, мысленно был готов к худшему. Конечно, это была бы огромная трагедия для моих близких, и в первую очередь, для моей семьи. И не волновать меня это не могло.

Но сейчас речь не об этом. Меня очень серьезно волновал другой вопрос: если, не дай, Бог, думал я, случится худшее, найдутся ли хоть какие-то положительные слова у людей, чтобы высказать их на кладбище в мой адрес? Ведь я в свои немалые 37 лет ничего толком в жизни не добился! Об этом я и думал те два дня. И должен сказать, что именно эти мысли помогли мне в дальнейшем многое переосмыслить в своей жизни.

Раз я затронул тему, коротко расскажу, что было дальше. После компьютерной томографии выяснилось, что у меня киста головного мозга, по-моему, размером 4х6 см. В Махачкале настаивали на немедленной операции. Но я решил, что лучше будет, если полечу в Москву, обследуюсь, и уже после этого приму решение. В одной из столичных больниц работал и сейчас работает врачом мой двоюродный брат Абдуллаев Абдерагим. В эту больницу я и поехал, и спасибо брату, что помог устроиться в больницу. Там меня обследовал местный профессор и сказал, что необходимости в срочной

операции нет, что ее никогда не поздно делать, а пока лучше провести курс терапии. В общем, я пролежал в московской больнице месяц, прошел курс, после чего меня выписали в нормальном физическом состоянии. Мне необходимо было по рекомендации врачей следить за своим состоянием, и в первую очередь, проверять глаза раз в несколько месяцев, поскольку киста при увеличении начинает давить на глаза. Года два рекомендации эти я соблюдал, но потом постепенно перестал обращать на это внимание. И после практически никогда об этом не думал.

Часть 1. Детство мое деревенское

Родился я 7 декабря 1964 года в селении Унчукатль, расположенном в Лакском районе Дагестана на высоте 1350 метров над уровнем моря. Из нашего села вышло немало известных людей, таких как Амаев Амир Джабраилович и Дандамаев Магомед Абдулкадырович – ученые, известные далеко за пределами нашей страны, Хинчалов Гази Магомедович – Герой социалистического труда и много других. 9 унчукатлинцев стали докторами наук, более 100 защитили кандидатские диссертации. Село наше известно активным участием в революции 1917 года и было награждено Грамотой ВЦИК, за что сельчане в советское время пользовались определенными льготами. Также самое активное участие наше село приняло в Великой Отечественной войне, когда практически все взрослое мужское население села, а с ними и пять женщин, ушло воевать. Оставшиеся женщины, дети и старики работали денно и нощно во имя приближения Великой Победы! За выдающийся вклад в достижение Победы Верховный главнокомандующий И.В. Сталин поздравил унчукатлинцев личной телеграммой. Колхозу нашему было вручено также на вечное хранение «Красное Знамя». Было еще много замечательных страниц в истории нашего села, но, пожалуй, можно ограничиться написанным.

Отец мой, Гаджимирзаев Абусупиян Зиябутинович, родился в декабре 1927 года. Несмотря на то, что он хорошо учился в школе, с началом Великой Отечественной войны в 13 лет был вынужден оставить школу и пойти работать чабаном, так как время было трудное, военное, и надо было помогать семье. Мой отец был четвертым сыном в семье. Два старших брата отца, Осман и Закарижа, к тому времени уже были на фронте (к сожалению, оба они погибли на войне, один – в1941г., второй – в 1942г.), а из оставшихся братьев надо было кому-то работать. Так как младшие братья Асадулла и Пача были еще маленькие, выбор, кому работать и помогать родителям, был между моим отцом и дядей Нажмутдином, который был на два года старше отца. И по решению родителей работать пошел мой отец. В семье кроме шести братьев была еще сестра Патимат.

К сожалению, тяжелая работа чабана подорвала здоровье отца и очень рано, в 1982 году, в возрасте 54 лет он ушел из жизни. Мне было 17 лет, когда отца не стало. Должен сказать, что здоровье его подорвала не только тяжелая работа, но и тюрьма, где он отсидел два с половиной года за абсолютно невинный поступок.

Произошло вот что. В 1972 году у самого младшего брата отца умерла молодая жена, оставив двоих маленьких детей. Жили они в Новосибирске. И отец решил поехать в Новосибирск поддержать своего брата. Он должен был поехать на поезде до Минвод, оттуда уже самолетом до Новосибирска.

Отец, который всю жизнь работал чабаном, не очень разбирался во всей этой логистике, и потому родственники должны были приехать на вокзал и проводить его. А в Минводах тоже какой-то родственник должен был встретить его и посадить на самолет. Отец приехал на махачкалинский вокзал заранее. Как он потом рассказывал, ему захотелось в туалет, а куда пойти, не знал. Находился он на привокзальной площади, где ждал родственников. Уже начало темнеть, время шло, родственников еще не было. И он, не зная, что делать, сходил по-маленькому за памятник, который стоит в центре площади. Какая-то женщина увидела все это и начала кричать, как не стыдно и что-то в этом духе. А там как раз в двух шагах находится отделение милиции. На крик вышли работники, отца задержали. Преподнесли все это как осквернение памяти великого революционера Махача Дахадаева.

Никто дома ничего не знал. Родственники думали, что он уехал в Новосибирск. Только через неделю отец приехал в село и рассказал, что случилось. Его тогда отпустили до суда. Ничего доказать на суде не удалось, хотя любому должно было бы быть понятно, что о никаком осквернении памяти революционера речи идти не могло. Это был полуграмотный чабан, который и язык-то русский не очень хорошо знал. Увы, бесполезно! Отцу дали два с половиной года. Несмотря на то, что он был чабаном, отец очень любил чистоту. И в тюрьме каждый день после работы купался в холодной воде, хотя сокамерники и отговаривали его от этого. В результате,

он там простужался не раз и вышел из тюрьмы с больными легкими, а последующая работа окончательно подорвала его здоровье.

Мать, Гаджимирзаева Патимат Силагутиновна, 1930 года рождения, работала сначала в колхозе, затем уборщицей в школе. Ушла из жизни в 2005 году в возрасте 75 лет.

Я часто вспоминаю своих родителей. В селе их уважали, как честных тружеников. К сожалению, практически ничего хорошего в этой жизни они не видели, только работа и работа. Но мы с моей сестрой Тажират (старшая сестра Банавша к тому времени уже работала в Махачкале, а младший брат Осман был еще маленьким), которая была старше меня на два года, всегда старались помочь родителям. Для меня и сестры, например, было обычным делом пойти вечером в школу и убирать в школьных классах, пока мать занималась по хозяйству. И по дому, естественно, работы нам всегда хватало: уборка дома, домашний скот, обеспечение дома водой, полевые работы, готовка сена на зиму и т.д. Работ в селе всегда было невпроворот. Ничего удивительного в этом нет, так как в сельской местности практически все дети привыкали к работе с самого раннего детства. Вдобавок, я еще помогал отцу пасти овец, в основном, летом, но иногда приходилось и зимой.

К сожалению, до сегодняшнего дня ни сестры мои, ни брат не дожили. Все они по разным причинам рано ушли из жизни: Тажират – в 35 лет в 1998 году, Осман – в 36 лет в

2009 году и Банавша – в 65 лет в 2020 году. Светлая им всем память! У всех остались дети, которым я, по мере возможностей, стараюсь помогать.

Школьное детство помню очень хорошо. Считаю, что оно было достаточно благополучным, хотя и предполагаю ироничные улыбки на лицах некоторых «современников». Да, такого изобилия продуктов, как сейчас, не было, да и с одеждой не всегда все было гладко – могли и с заплатами ходить, и обувь иногда бывала дырявой. А уж про личные автомобили вообще некорректно что-то говорить: тогда они только начали появляться и были, скорее, предметом роскоши. Это сейчас в каждой семье по несколько автомобилей, и при этом люди еще жалуются, что плохо живут. Однако, мы таким вещам значения не придавали. Да и думать об этом было некогда! Несмотря на то, что, как я писал выше, все дети в селе много работали, времени у нас на все хватало. Мы все время были в движении, в деле: учеба, чтение книг, игры, состязания, конкурсы разные, слеты, экскурсии. Плюс ко всему еще деятельность в октябрятах, пионерах, комсомольцах! Жизнь была весьма насыщенная! Носились мы как угорелые. Конечно, при таком активном ритме жизни избежать травм было трудно. Я сам и со скалы падал, и с обрыва срывался, и в ледяное озеро не раз проваливался зимой, и колено обжигал, и жертвой нападения собак становился, и много чего другого было. Я думаю, примерно так же могут сказать о себе и большинство сельских ребят тех лет. И уверен,

что большинство детей тех лет с удовольствием вспоминают свое детство. И мы по праву называли и называем сейчас то время счастливым детством!

Надо отдельно отметить наши футбольные или хоккейные баталии. Это было что-то! Борьба всегда была бескомпромиссная! Никто ни себя, ни других не жалел! Настоящие рубки! Конечно, не всем хватало места на поле, и поэтому некоторые превращались в зрителей. Мячи не всегда были настоящие, вначале играли, в основном, резиновыми. Потом уже потихоньку стали доступны и кожаные мячи. Я достаточно хорошо играл в футбол, и мне даже дали прозвище по имени одного из сильнейших футболистов мира того времени. А для игры в хоккей клюшек еще не было, и мы из дерева вырезали их, подобрав изогнутые места дерева. И только ближе к концу учебы в школе стали появляться по доступной цене, как мы их называли, «настоящие» клюшки. Что касается коньков для игры в хоккей, то они были не у всех и многие играли в ботинках или сапогах.

А какие мы были болельщики! У каждого была своя команда, за которую болели: «Спартак», «Динамо» Москва, «Динамо» Киев, ЦСКА, «Торпедо», Арарат» и т.д. А как болели за сборные команды СССР во всех видах спорта, особенно футбольную и хоккейную! Во время важных матчей мы не отходили от телевизоров и на следующий день могли часами обсуждать перипетии матчей. И, естественно, мнения часто расходились и споры были очень жесткими. У нас

в семье телевизор был куплен еще в 1971 году, и проблемы смотреть матчи не было. Но помню, как в апреле 1975 года телевизор сломался и месяц не работал. Как раз во время чемпионата мира по хоккею! Это была трагедия! Тогда еще не у всех были телевизоры и приходилось думать, к кому же сходить смотреть матчи.

Еще хотел бы отметить в двух словах праздники в райцентре Кумухе 1 мая и 7 ноября. В эти два дня проходили праздничные демонстрации с песнями, флагами и транспарантами, посвященные Дню Международной солидарности трудящихся (1 мая) и очередной годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции (7 ноября). Мы всегда с большим воодушевлением ездили на эти праздники. Хотя в большинстве случаев не ездили, а ходили пешком с Унчукатля до Кумуха (10 км по старой дороге). Нам давали родители на праздник по 1 рублю (кому-то, может давали и больше, но мне давали рубль), и чтобы сэкономить на проезде, а это удовольствие стоило тогда на попутной машине 20 копеек в одну сторону, ходили пешком. И у нас оставался чистый рубль! Обязательно брали бутылку прекраснейшего лимонада, производимого тогда в Кумухе. Его вкус и аромат я до сих пор не могу забыть, и никакие колы, фанты, спрайты, байкалы и прочие напитки не могут лично для меня сравниться по вкусу с тем лимонадом. Бутылка лимонада стоила 27 копеек. Затем пустую бутылку сразу сдавали за 12 копеек обратно. В итоге лимонад обходился в 15 копеек. Оставшиеся

с рубля 85 копеек уже тратили по своему усмотрению, кто как. А какие в эти праздники проходили спортивные соревнования: волейбол, бег, прыжки, гиря и много чего еще. Как отчаянно боролись непосредственные участники соревнований, как отчаянно болели все остальные! Для нас эти дни действительно были праздниками!

Выше я написал, что хоккейные коньки были не у всех. Расскажу историю своих коньков. В то время в Советском Союзе была услуга Посылторга, кажется, называлась она «Товары почтой». Ты заказываешь по каталогу какой-нибудь товар и получаешь его по почте. Оплата при получении. Если товар не выкупался в течение двух недель, возвращали обратно отправителю. Очень удобная услуга для того времени, скажу вам. Так вот, в 5-м классе я решил воспользоваться этой услугой и заказал себе коньки на ботинках, «настоящие». Стоили они недешево, 15 рублей. Хотя сумма была немаленькая, родителям я не сказал, что заказываю. Тогда они точно не позволили бы мне их заказать. Вскоре на почту пришел заказ. Дело оставалось за малым – оплатить 15 рублей и забрать их. А для этого уже надо говорить родителям. У меня же не могло быть такой суммы. Причем, вопрос этот мать не могла решить, только отец. Я в конце концов набрался смелости и сказал отцу. Он очень удивился и спросил меня: «У кого ты спросил разрешения на заказ коньков на такую сумму?» Я опустил голову и сказал, что ни у кого. «Тогда, - сказал отец, - они там и останутся». Мать робко пред-

ложила отцу выкупить их, но отец и слушать не хотел. Прошел день, два …прошла неделя. Коньки оставались на почте и через неделю могли отправиться обратно. История стала достоянием многих сельчан. Село же не такое большое, 120 хозяйств, и все друг друга знают. Как я потом узнал, многие, оказывается, говорили отцу, мол, не расстраивай мальчика, он же старательный у тебя, выкупи ему эти коньки. Не знаю, чьи слова больше подействовали на отца, но к исходу второй недели коньки были выкуплены. Естественно, с соответствующим внушением мне и предостережением ни в коем случае не совершать впредь таких необдуманных действий. Я был на седьмом небе от счастья! Коньки я специально заказывал на два размера больше, чтобы подольше их носить. Но радость моя оказалась недолгой. Их украли у меня прямо из дома через пару месяцев, не дав мне насладиться ими. Кто украл и куда их дели, я потом узнал, но это уже совсем другая история.

В школу я пошел в 1970 году в 5-летнем возрасте. Это был подкласс Унчукатлинской средней школы. Учился хорошо, а с четвертого класса и вовсе отлично. Мне очень легко давались любые предметы, кроме пения и рисования. Тут я не был силен. Память у меня была, как говорили учителя, феноменальная. Мог несколько раз прочитать большое стихотворение и выучить его наизусть. Я и сейчас помню наизусть немало стихотворений, к примеру «Бородино» Лермонтова, «К Чаадаеву» Пушкина, «На Волге» Некрасова, «Стихи о

советском паспорте» Маяковского, да и много чего еще. В математике я вообще чувствовал себя, как рыба в воде. Мог любую задачу, любой пример решить! И с остальными предметами было все в порядке.

Часто с удовольствием вспоминаю своих учителей. Это были Учителя с большой буквы! Называть имена не буду, а то кто-нибудь может обидеться, что его не упомянули. Вообще, я должен отметить, что школа у нас была сильная! Учителя были достаточно опытные, требовательные и строгие, но вместе с тем в большинстве своем и доброжелательные! То, что школа наша была сильная, показывает следующий факт – в начале учебы в Московском автомобильно-дорожном институте, куда поступил учиться, я выделялся среди сокурсников своими знаниями по основным школьным предметам: математике, физике, химии, истории.

Что касается непосредственно моей учебы в школе, как я уже писал выше, с четвертого класса и выше учился отлично. Даже текущая четверка для меня была редкостью. И в четвертных, и годовых всегда были пятерки по всем предметам, и экзамены в 8 и 10 классах все сдал на отлично. Несмотря на это, медалистом я не являюсь. Просто в то время никто у нас в школе об этом даже разговор не заводил. По умолчанию считалось, что это нас не касается. Можно сравнить такие цифры. За период с 1970 (когда я начал учиться в школе) по 1991 год в течение 20 лет ни один выпускник Унчукатлинской средней школы не получил золотой медали за отличную

учебу. А с 1991 года за те же 20 лет – 12 человек. И это при том, что в эти годы учащихся в школе стало в разы меньше. Это хорошо, что нынешнее руководство школы и района старается отмечать заслуги учащихся по достоинству! Так и должно быть. Наша школа заслуживает того, чтобы как можно больше ее выпускников получали золотые медали за отличную учебу в школе. Но в наше время было по-другому.

Да, чуть не забыл. В восьмом классе меня избрали секретарем комсомольской организации школы, и два последних года учебы в школе я занимал эту почетную и весьма ответственную по тем временам должность. Не хочу употреблять высокопарные слова, типа «комсомол - моя судьба», «выполнение поставленных партией задач», «причастность к судьбе Отечества», и т.д., но все же замечу, что комсомол играл в те годы огромную роль в деле воспитания подрастающего поколения, учил нас быть дисциплинированными и работать честно, выполнять порученное дело, отвечать за свою работу. И я тоже, как секретарь комсомольской организации школы, в меру сил и умения старался выполнять свою работу достойно и быть полезным обществу. Тем более, что одной из задач комсомольцев было хорошо учиться, к чему я и стремился всегда. И когда сегодня вспоминаю комсомол, то с удовольствием вспоминаю свою юность, светлые времена комсомольского прошлого. А такие понятия, как патриотизм, жизненный опыт, умение разбираться в людях и т.д., которые неразрывно были связаны с комсомолом, помогают

и в сегодняшней жизни.

Отдельно, хоть и вкратце, напишу о своих летних «каникулах». Начиная с четвертого класса каждое лето, два полных месяца, июль и август, я проводил в горах, помогая отцу пасти овец. Первые пять лет это было в горах, в местности «Хахиялу» («Хъахъиялу») в километрах 7-8 от села. Там была кошара. Для овец был открытый загон, а мы с отцом располагались в землянке. Число овец каждый год разнилось, примерно 500 штук, плюс-минус. Отец часто уходил в село по колхозным вопросам, и я оставался один на весь день. А иногда отец мог и остаться в селе на ночь и прийти на следующий день. Мне было 10 лет, когда я в первый раз остался один ночью с целой отарой овец в горах. Естественно, никого рядом не было. Вскоре это стало для меня привычным делом.

Один раз вообще случилось так, что отец заболел и я целых восемь дней был в горах один - и днем, и ночью. Было тогда мне 12 лет. Как раз в один из этих дней, единственный раз за все время, что я оставался один, ночью напали волки и несколько баранов подверглись нападению. На такой случай у меня была двустволка 16-го калибра, но когда я проснулся, уже было поздно, и мертвые бараны валялись в загоне. Мне оставалось только снять с них шкурки, местами подпорченные волками, и обработать их для дальнейшей сдачи колхозу.

Самое трудное, когда пасешь овец, это когда садится плот-

ный туман. В такую погоду управлять отарой, тем более одному человеку, очень сложно. Она может разобщиться на несколько частей и каждая часть отары может направиться, не останавливаясь, куда глаза глядят. В один из тех восьми дней, когда я был один, сел очень плотный туман и в 2-3 метрах ничего видно не было. Пока я с одной стороны обходил отару, бóльшая часть отары разобщилась и ушла непонятно куда. Я загнал оставшуюся часть отары в загон и пошел на поиски другой. Несколько часов потребовалось мне в плотном тумане искать часть отары, и в конце концов я нашел овец в полутора-двух километрах от первоначального места. Загнал их обратно поближе к кошаре. Чтобы проверить, все ли на месте, надо посчитать овец. Но одному человеку сделать это трудно, тут требуется помощь. Когда туман рассеялся, я визуально оценил, что отара целая. Но, к примеру, недостаток 5-10 овец из 500 на глаз определить невозможно. Я, на всякий случай, в следующие два-три дня обошел всю территорию вокруг кошары в радиусе нескольких километров. Никаких следов того, что где-то могли остаться бараны, не было.

Питался я в эти дни в основном хинкалом, который готовил сам. Запас мяса у меня был, так называемый «бахIахъ». Мука, естественно, тоже, была.

Когда через восемь дней отец поправился и вернулся, с ним были еще два представителя колхоза. И первым делом пересчитали всех овец, но никакой недостачи не обнаружи-

ли. Все овцы были на месте, за исключением тех нескольких баранов, на которых волки напали. Но от них были шкурки для отчета колхозу. После этого я вздохнул спокойно. Отец поблагодарил меня, конечно. Но в то же время дал понять, что я и должен был проявить себя так, раз уж дело повернулось таким образом, что я вынужденно остался один на столько дней.

…На шестой год уже, после 9-го класса, я пошел на «повышение» и отправился с отцом чабанить уже в горы Дюльтыдага. Там, конечно, условия жестче, но чабанов хватает и помощь всегда есть. Одна из сложностей здесь – перейти перевал Лаказани в начале июля и переправиться на сторону реки Самур. Дело в том, что Лаказани со стороны Лакского района является северной стороной и в июле находится весь в снегу. Переправить через него овец, загруженных лошадей и ослов в определенной мере является проблемой. Пока поднимешься до перевала, а это ни много, ни мало на высоте 3447 метров над уровнем моря, вполне может получиться так, что какая-нибудь лошадь или осел с поклажей может поскользнуться и улететь вниз по снегу, сбросив по пути поклажу. В таком случае приходится спускаться обратно вниз за лошадью или ослом, ставить опять поклажу и идти снова вверх. В общем, до перевала трудностей хватает. А как перейдешь перевал, уже легче.

Из запомнившегося в горах Дюльтыдага могу сказать, что как раз тем летом была Московская Олимпиада 1980 года, а

я был страстным болельщиком. У меня был радиоприемник VEF-202 производства Латвийской ССР. Думаю, что ровесники мои или кто постарше, хорошо помнят эти приемники. Я с ним не расставался никогда, слушая на ходу репортажи с Олимпиады или же выпуски новостей. Отцу это иногда надоедало и он мог запросто наказать меня, отобрав на время приемник. Но я все равно украдкой забирал его ночью, отходил от кошары подальше и тихо слушал один. Впрочем, о чабанстве хватит, наверное.

В конце этой части напишу немного о своих одноклассниках. И скажу сразу, что я горжусь своими одноклассниками и одноклассницами. Несмотря на то, что наш класс был самым большим в школе, у нас очень дружный класс. Мы и сейчас часто встречаемся, общаемся, практически всегда на связи. Стараемся хотя бы раз в год собраться все вместе, в Махачкале или в селе. Стараемся посетить все значимые мероприятия друг друга, такие как свадьбы детей, юбилеи и т.д. К сожалению, несколько человек из класса уже покинули нас: Абдуллаева Заграни, Алиева Кабират, Алиева Кяъвахан, Карагишиев Али, Юсупов Жабраил, Магомедов Залимхан. Светлая им всем память! Мы всегда помним их! Не могу не написать хотя бы пару слов о Заграни, ушедшей от нас в период пандемии. Она всегда была одним из лидеров класса, объединяла нас, сплачивала. На любом мероприятии могла произнести достойную речь. Заграни была очень грамотным человеком, работала главным корректором в газе-

те «Илчи», писала стихи. Увы, была… работала… писала… Все в прошедшем времени…

Часть 2. Три вступительных экзамена … за три года

В 1981г. я окончил Унчукатлинскую среднюю школу. Выбор, куда ехать поступать, у меня не стоял. Только в Москву! И родителям мною об этом было сказано заранее, правда, отец к тому времени уже серьезно болел. Вопрос был в том, куда поступать? Почему-то тогда я выбрал направление торговли. Терпеть не могу торговлю и знаю, что это абсолютно не мое. Тем не менее, как это ни удивительно, в тот момент выбор мой оказался именно таким.

Я до этого в Махачкале-то был всего два-три раза, а тут сразу в Москву. Помню, родители выделили немного денег, я поехал в Кумух и для поездки в Москву купил там за пятнадцать рублей чемодан, который тогда был в моде! Купил еще брюки и две недорогие рубашки, а туфли надел отцовские. Он их надевал нечасто, и они были в порядке. Отец, хоть и был чабаном, но толк в одежде знал: туфли были очень даже кстати. Дядя Гусейн как раз ехал куда-то в Сибирь и сопровождал меня на поезде до Москвы. А там я провел первую ночь у дяди Магомеда-младшего, который в то время с тетей Изумрут были в Москве, где в больнице лежал их сын, а мне двоюродный брат Рашид (царство ему небесное, к большому

сожалению, как ни старались родители, он в конце концов ушел из жизни в 1987 году). На следующий день я поехал в Кооперативный институт на станции Перловская и сдал документы.

Документы сдал на факультет товароведения промышленными товарами, где был самый большой конкурс – 11 человек (!) на место. Причем, практически все были золотые медалисты или выпускники техникумов с красными дипломами. И всех сопровождали родители. Лишь я был, как бедный родственник, один, без никого. Ясно было: чтобы поступить, мне необходимо сдавать все четыре экзамена на пятерки (так как, я не был медалистом, мне надо было сдавать все экзамены). Нас, абитуриентов, заселили в близлежащих к институту дачных домиках по 8-10 человек вместе.

Все, кто сталкивался со мной в те дни, как с абитуриентом, удивлялись и смеялись одновременно. Никто не мог поверить, что я закончил школу. Да, мне было всего 16 лет, так как я в пять лет пошел в школу, в подкласс. Но даже для своих 16 лет я выглядел слишком маленьким: 158 см рост и 48 кг вес! И это после 10-го класса! И дополняло эту картину абсолютно детское лицо! Но я старался не обращать внимания ни на это, ни на огромный конкурс, ни на отсутствие родителей или родственников рядом. Я был уверен в себе и в своих знаниях. Только закончил школу и прекрасно знал все предметы. По той же химии, по которой был первый экзамен, я выигрывал районную олимпиаду и участво-

вал в республиканской олимпиаде в Махачкале. И это был не единственный предмет, по которому я участвовал в республиканской олимпиаде. Могу точно вспомнить, что так же было по биологии.

Две недели все абитуриенты, которые заселились в нашем домике, вместе занимались, помогали друг другу. Не хочу себя хвалить, но по своим знаниям я выделялся среди них. Мне приходилось объяснять всем решения задач и трудные вопросы. И все были уверены, что проблем со сдачей экзаменов у меня точно не будет. Но… Я получил двойку на первом же экзамене по химии, а некоторые из тех, кому я помогал, получили четверки и пятерки. Экзамен у меня принимали две женщины и принимали его так, что, когда вышел с экзамена, у меня было ощущение, что ничего в химии я не смыслю!

Это был 1981 год. Допускаю, что кого-то лоббировали, а кого-то заваливали. Ведь завалить по химии, в принципе, проще, чем по многим другим предметам. По этому предмету можно в такие дебри завести абитуриента, что мало кто ответит. Но это лишь предположения неудачника, коим я являлся, и никакого значения они не имели. А имело значение то, что я получил двойку и надо было возвращаться домой. В тот же день купил билет на поезд до Махачкалы и на следующий день уехал домой.

Это был, наверное, первый серьезный удар, который я перенес в жизни, и кое-чему меня это научило. Но я недолго

расстраивался, тем более мне было всего 16 лет. Сколько же еще этих ударов предстояло перенести в жизни!

Расскажу об одном случае, который произошел в те дни со мной и который я запомнил на всю жизнь. В один из дней купил в киоске мороженое в бумажной обертке, съел его и выбросил бумажку на улицу. В Москве! Не иначе, как с гор спустился. Увидев это, ко мне подошла одна взрослая женщина и очень тепло, по-матерински сказала: «Мальчик, нельзя так бумажку бросать на улицу. Вон же недалеко урна для мусора». Сказано было все это так деликатно, так дружелюбно, и не с целью сделать мне замечание, а чтобы объяснить мне, что так делать нельзя. Если бы вы знали, как мне тогда было неловко перед этой женщиной! Я не знал, куда себя деть. Тут же извинился перед ней, поднял бумажку и отнес в урну. И всю свою жизнь благодарен этой женщине за то, что не отчитала меня грозно, а просто, как мать, объяснила. И после этого стараюсь никогда ничего не бросать где не положено.

…Вернулся в село, рассказал родителям, что и как. И решил на год устроиться в Махачкале на работу на стройке, а потом снова поехать в Москву поступать. Во-первых, что-то заработаю, а во-вторых, опыт работы на стройке всегда пригодится в жизни. Так и проработал я до середины июня следующего года в СУ-20. Бригада, в которой я работал, была достаточно дружная и я многому от них научился, и не только в строительном деле. И получал я, кстати, неплохо, от 170 до 250 рублей в месяц. Это были достаточно хорошие

для того времени деньги. Частично отдавал матери в помощь (отец уже не работал, болезнь его перешла в тяжелую стадию), частично откладывал себе на первое время поступления в институт.

В конце июня я в первый раз в жизни сел на самолет и полетел в Москву. Пока почти год работал в Махачкале, у меня произошла переоценка ценностей и я решил поступать в МАДИ (Московский автомобильно-дорожный институт). Прилетев в Москву, сразу же направился в институт, расположенный по адресу Ленинградский проспект, 64, рядом с метро «Аэропорт». Расчет был сдать документы в институт в тот же день, получить общежитие и спокойно готовиться к экзаменам. Но, как говорится, мы предполагаем, а Бог располагает! Выяснилось, что раз я работал на производстве почти год, нужна справка. Даже не помню, сейчас, какая именно. Поехал на телеграф и позвонил старшей сестре Банавше на работу. Объяснил, что к чему и попросил ее помочь. Справку эту я получил только через четыре дня поездом и все эти дни я провел днем в городе, а ночью – на Курском вокзале. Спал или на лестницах, или же на сидениях. Правда, на четвертую ночь мне пришлось перебраться ночевать на Ярославский вокзал, так как на Курском я уже примелькался работникам милиции. А чемодан с вещами сдавал в камеру хранения. Да, такое тоже было в моей жизни – четыре ночи подряд ночевал на вокзале! Еще несколько дней – и получайте готового бомжа!

Получив необходимую справку, я наконец-то сдал документы и получил место в общежитии на Соколе. Студенты 70-80-х годов хорошо знают этот студенческий городок. Времени до экзаменов еще было достаточно, и я начал готовиться. Оба первых экзамена были по математике и оба письменные: математика – 1 (10 заданий) и математика – 2 (6 заданий). Задача была сдать два экзамена минимум на «5» и «4» и ты уже становишься студентом, так как, пятибалльный аттестат. Но я не сомневался, что получу две пятерки, так как математику знал отлично и любые примеры и задачи решал чуть ли не с ходу.

Если не ошибаюсь, МАДИ в то время был единственным вузом в стране, где письменные экзамены проверяла ЭВМ (электронно-вычислительная машина). Поэтому влияние человеческого фактора было исключено, что являлось большим плюсом. Задания на экзамены заранее были подготовлены так, что ответ представлял собой законченное число и состоял максимум из шести знаков (цифры, запятая, знак «-»). Ответы вписывались в специальные, указанные на листе бумаги клетки, которые потом и проверяла ЭВМ на соответствие данным, которые уже заранее были в нее введены. Поэтому было очень важно ответ записать правильно. Ты мог решить задание правильно, но если ответ в соответствующие клетки впишешь с ошибкой, он не будет зачтен. И еще один штрих. Если у тебя получится больше шести знаков в ответе, к примеру, 425,775 (здесь семь знаков вместе с запя-

той), ты уже понимаешь, что неверно решил задание.

Наступил день первого экзамена, и я, абсолютно уверенный в себе, пошел на экзамен. И… получил двойку! Да, хотите, опять, хотите, снова, но – двойку! Это мы уже где-то проходили! Я не знаю, тот ли это случай, о котором сказал немецкий философ Гегель «История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса», но случилось именно так. А я еще говорил выше, что опыт первого года меня чему-то научил. Увы…

Вы, наверное, смеетесь, читая это! Да сейчас мне и самому смешно! Но тогда мне было не до смеха и я был подавлен. Тем более, был один, поделиться было не с кем, и, соответственно, утешить меня тоже было некому. Меня могут спросить, а почему собственно двойка, когда, как я писал выше, математику знал, как свои пять пальцев. А получилось вот что. Я очень быстро решил два задания и начал третье решать. Решил, но ответ не вписывается в шесть клеток. Я понял сразу, что произошла ошибка, раз ответ не вписывается. Начал проверять с начала - все верно, нет ошибки. Опять проверяю все задание с самого начала до конца и опять не нахожу ошибку. Но ответ же не сходится! Значит, ошибка есть! И меня зациклило! Я не мог допустить, что допустил ошибку в задании и, вдобавок, не могу ее найти! Мне бы оставить это задание и пойти дальше, но тогда я, кажется, забыл, что нахожусь на экзамене. Я просто не понимал, как это я не могу решить какое-то задание по математике! Сно-

ва и снова проверяю все стадии решения и не нахожу ошибку. Я начал злиться, может, еще паника была. И только когда некоторые начали сдавать работы, я опомнился. И начал лихорадочно решать дальше. Но времени почти уже не было. Два или три задания я еще решил, но всего их было десять, и я понимал, что будет между двойкой и тройкой. Так и получилось.

А в чем заключалась ошибка в решении задания, на котором я зациклился, я в тот же день разобрался, когда пришел в общежитие и в спокойной обстановке посмотрел. По памяти восстановил задание и сразу же верно его решил. И понял, что совершенно случайно на одной из стадий решения поставил перед одним из чисел знак «-». И когда на экзамене раз за разом перепроверял свое решение, я действительно не мог найти ошибку, потому что решал все верно. Но по какой-то необъяснимой причине на экзамене я не заметил, что случайно поставил перед одним из чисел знак «-». Затмение какое-то на меня нашло.

К тому времени, когда через день оценки вывесили, я уже пришел в себя и прекрасно понимал, что ничего изменить нельзя. Надо было трезво оценить создавшуюся ситуацию и решить, что делать дальше. Сообщить родителям, да и родственникам тоже, что опять получил двойку и не поступил в институт, я не мог себе позволить. Было крайне стыдно за себя. И я посвятил несколько дней изучению московских объявлений о приеме в высшие (заочные, вечерние отделе-

ния) и средние учебные заведения. Еще мне в помощь была тогдашняя практика в Москве: к абитуриентам, которые не поступили в вузы, подходили представители разных учебных заведений или организаций и предлагали свои услуги в устройстве.

И после изучения ситуации, тщательно взвесив все «за» и «против», я остановил свой выбор на учебе в техническом училище №67 (ТУ №67) г. Москвы. У этого варианта было много плюсов:

- продолжительность обучения всего год и можно через год заново поступать, а в случае окончания училища с красным дипломом достаточно для поступления в МАДИ сдать один экзамен на отлично;

- учебный процесс устроен так, что помимо непосредственно учебы, параллельно идет производственная практика на московских объектах, что означает наличие не только стипендии, но и дополнительного заработка, что для меня весьма важно, так как на материальную поддержку из дома я рассчитывать не мог;

- наличие общежития;

- наличие лишней строительной специальности, которую я должен был освоить к концу учебы и которая в жизни всегда пригодится.

Несмотря на проколы с поступлениями в институт два года подряд, в армию мне было еще рано, так как рано пошел в школу. Я это, конечно же, учитывал и выяснил в училище

заранее, могут ли меня призвать в армию после окончания учебы. Мне объяснили, что после окончания училища мне обязательно дадут возможность поступать в институт. Кстати, здесь же, в ТУ №67, оказалось немало дагестанцев, которые не смоги поступить в разные столичные вузы.

Я оформил все необходимые бумаги для учебы в ТУ №67 и получил общежитие на ул. Шоссейная, метро «Текстильщики». Занятия с 1 сентября. Переждал еще несколько дней в Москве и поехал домой до начала занятий. Дома сказал всем, что поступил в МАДИ. Никто и не засомневался. Поздравили! И дней через десять-двенадцать, когда собрался обратно в Москву, никто из родственников и знакомых даже не мог подумать, что я еду учиться не в МАДИ, а в техническое училище.

1-го сентября начались занятия в училище, а вечером следующего дня я получил телеграмму из дома. Еще не посмотрев текст, я все понял! Отец! Когда буквально на днях я уезжал из дома, он уже был тяжелый, но я не предполагал, что это произойдет так быстро. На следующий же день вылетел в Махачкалу, оттуда в село, но на похороны не успел. Все выражали мне соболезнование, плакали. И я, конечно же, был опечален. Но все-таки, полагаю, что в силу своего возраста тогда не до конца понимал тяжесть этой утраты. Это сейчас я понимаю, что потерять отца, тем более которому всего-то 54 года – невосполнимая, тяжелая утрата. Никому такого не пожелаешь! И с 17-летнего возраста жить без отца – перспек-

тива не самая радужная!

Я пробыл дома неделю, и хотя перед отъездом из Москвы на похороны не знал точно, вернусь ли обратно или нет, в Москву я вернулся. Получилось так, что два очень значимых события в моей жизни, после которых жизнь делится на «до» и «после», случились практически одновременно. Это были как две новые главы моей жизни - начало жизни без отца и начало самостоятельной жизни в Москве. В первое время я часто думал, правильно ли я поступил, вернувшись в Москву после похорон отца. Думал, может, надо было остаться дома. Но решение уже было принято и вскоре я с этим свыкся.

От отца нам после его смерти ничего не осталось: ни денег, ни каких-то материальных ценностей. Но я всегда благодарен отцу, что он оставил мне свое честное имя! Я разговаривал со многими старожилами села, пока они были живы, и по их рассказам знаю, что отца все уважали за его честность и бескорыстие! И еще хочу отметить, что несмотря на то, что он был чабаном, я не видел ни у кого таких чистых и ухоженных рук. Помню, как он всегда тщательно мыл их, как следил за ногтями. В селе даже у служащих не замечал таких рук, не говоря о колхозниках и чабанах. И помню, как он любил одеваться чисто, как следил за своей одеждой, как перед каждым выходом на улицу натирал до блеска свою обувь, особенно любимые свои хромовые сапоги...

Год учебы в ТУ №67 всегда вспоминаю с удовольствием. Это был мой первый год в Москве. Сама учеба никаких

проблем не доставляла. Без всякого напряжения я окончил училище на красный диплом. Освоил специальность каменщика-монтажника. Проходил практику на различных московских объектах и предприятиях в разных районах города. Узнал много новых людей. Появились друзья-товарищи. Мы устраивали вечеринки, всякие мероприятия. Часто собирались с друзьями в общежитии, пели песни под гитару. С девчонками знакомились, общались. Не раз бывал в театрах, музеях, выставочных залах, в Мавзолее Ленина, парках культуры. Я наконец-то получил возможность посещать футбольные и хоккейные матчи на стадионах и во дворцах спорта. Ни один значимый матч не пропускал. Ходил практически на все матчи любимого «Спартака» и в чемпионате СССР, и в еврокубках. Видел вживую многих своих кумиров, причем не только советских, но и зарубежных. В общем, была очень насыщенная, интересная жизнь.

Вместе с тем хватало и опасностей, и драм всяких. Нет-нет, драться приходилось. Поводов для этого хватало. Во всякие неприятные ситуации попадал, бывало, в милицию забирали после драк или чего-либо еще. Все это описывать смысла нет, да и читателю не все интересно. Расскажу только об одном событии, о котором нельзя не рассказать. Помню, будто вчера это было.

20 октября 1982 года. Этот день вошел в историю, как «Черный день Лужников». Именно тогда произошла самая страшная трагедия в истории советского спорта, когда по-

гибли десятки и десятки людей. В Москве, в Лужниках игрался футбольный матч Кубка УЕФА между московским «Спартаком» и голландским «Хаарлемом». Я, конечно же, не мог не пойти на этот матч и оказался в самой гуще трагических событий! Был сильный мороз, градусов 15. Трибуны были заледенелые. Из-за погодных условий на матче было всего 16-17 тысяч болельщиков и практически всех разместили на одной трибуне. Это была трагическая ошибка! Тем более подавляющая часть зрителей составляла агрессивная до невозможности толпа фанатов.

Иначе, как «ад» не могу назвать то, что там происходило. Можно сказать, что я чудом вырвался из этого ада. Начиная с трибун, толпа несла тебя, давила со всех сторон и вырваться из этой толпы было невозможно. Сделать самостоятельное движение не было никакой возможности! Если кто-то споткнулся, остаться в живых шансов не было. Толпа давила и шла дальше! Люди гибли под ногами, но помочь им не было никакой возможности! Сколько человеческих тел было перетоптано под ногами! Меня, 17-летнего, спасло то, что я дождался финального свистка на трибуне, а те, кто поднялись на минуту раньше (в эту минуту и был забит второй гол), попали в самое месиво. Нам, следующим чуть сзади, тоже изрядно досталось, но мы хотя бы остались живы. Это действительно был ад! И этот ад я и сегодня отчётливо помню.

По официальным данным погибли 67 человек. Но тогда были слухи по Москве, что погибло более 300 человек. Не

знаю. Но даже если 67, это огромная трагедия! И добавьте сюда сотни раненных! На следующий день на последней странице газеты «Вечерняя Москва» появилась небольшая заметка об этой трагедии и больше нигде ничего не писали. Был строгий запрет писать или говорить на эту тему. И только в конце 80-х - начале 90-х годов начали появляться материалы об этом трагическом событии. А сейчас в Интернете достаточно публикаций на эту тему (для информации - победил «Спартак», 2:0).

О времени учебы в училище расскажу еще. Не секрет, что в 80-е годы прошлого столетия хорошие, востребованные товары были в дефиците. Конечно, в столице ситуация была значительно лучше, чем в провинции, но все равно очереди за дефицитом выстраивались огромные. И нам иногда удавалось использовать эту ситуацию в свою пользу.

…Начало ноября 1982 года. Откуда-то узнали, что в Лужниках, где в то время были ярмарка и большие торговые павильоны, будут два дня подряд продавать джинсы. И не какие-то там индийские «Avis», а «настоящие»! Мы собрались пять-шесть человек, друзей-товарищей, и двинулись в Лужники. К нашему приходу очередь уже была приличная. Номера и фамилии пишут, все строго. Сразу встали в очередь, записали свои номера, фамилии. Пока стояли, рассчитали среднюю скорость прохождения очереди, прикинули, когда дойдет до нас, и добавили минут тридцать-сорок запаса для реализации товара. В общем, выяснили, через сколько номе-

ров нам всем надо еще раз занять очередь. Подождали, пока столько человек встанут за нами (а это – несколько сот человек) и опять заняли очередь, записали номера новой очереди, и так далее. Дело в том, что недалеко от выхода из магазина всегда дежурили кавказцы, в основном, грузины, которые тут же перекупали у нас джинсы, естественно, с соответствующей наценкой. Они точно знали, что реализуют эти джинсы у себя дома в любом количестве и с хорошей выручкой. Соответственно, мы сбывали джинсы им и вновь становились в очередь. Уже поздно ночью мы поехали в общежитие и рано утром вернулись обратно. И опять то же самое. За два дня мы сделали по пять-шесть заходов каждый и заработали прилично.

Здесь могут возникнуть два вопроса: не боялись ли мы милиции и почему сами грузины не становились в очередь? Милиция практически нас не трогала, вернее, делала вид, что не замечает нас, потому что они имели свою долю от этих самых покупателей-грузин. А самим грузинам становиться в очередь было невыгодно, так как в этом случае каждый из них мог купить по пять-шесть пар джинсов и все, а перекупая у нас (кстати, не только у нас, там и других «комбинаторов» хватало), они затаривались большими партиями джинсов, хоть и по большей цене, и потом спокойно ехали домой сбывать их.

Ну и добавлю, что как раз к тому времени пришлась смерть Леонида Ильича Брежнева, который правил страной

18 лет. Помню, услышав эту новость по радио, я тут же поехал на Красную площадь и наблюдал за тем, что там делалось. Вскоре Генсеком стал Юрий Владимирович Андропов, и это немного осложнило наши действия при посещении различных мест и заведений. Начались облавы, частые проверки документов и т.д. Но глобально для нас ничего не поменялось.

В июле 1983 года я окончил училище и получил красный диплом. Система была такая, что нас сразу же официально устроили на работу в различные московские организации, дали новые общежития. Мне дали «общежитие» в новом 18-этажном здании, которое только что было введено в эксплуатацию. В двухкомнатную квартиру на 12-м этаже со всеми удобствами и обставленной уже мебелью нас заселили четырех человек! Это была сказка! Забегая вперед, скажу, что после поступления в институт уходить отсюда очень не хотелось. После устройства на работу тут же оформили всем месячные отпуска. Если за это время поступаешь в институт, ты приносишь справку о поступлении и увольняешься с работы. Если нет, то работаешь дальше. Вот так все было грамотно организовано в Советском Союзе.

Я сразу же сдал документы в МАДИ на дорожно-строительный факультет. Времени до экзаменов было достаточно, но я практически не занимался. Знания были еще свежие, все помнил. Скорее готовился психологически. И вот наступил день, я пошел сдавать экзамен. Через полтора часа по-

сле его начала я решил все десять заданий, сдал работу и вышел из аудитории. Еще успел помочь соседу сзади с двумя заданиями, вернее подсказал, каким путем их решать. Я не сомневался, что будет пятерка. Учитывая наличие красного диплома, одной пятерки мне было достаточно для поступления. Сразу же пошел и купил билет домой. Через день вывесили результаты экзамена, где напротив моей фамилия действительно стояла пятерка. Вот так я наконец-то стал студентом высшего учебного заведения. И поехал домой полноценным студентом, хотя для домашних я приехал на каникулы после первого курса. Оригинально очень получилось: три года поступал – три вступительных экзамена всего сдал: две двойки и одна пятерка!

Часть 3. Три года по лезвию ножа

1 сентября 1983 года началась моя жизнь студента МАДИ. Главный корпус МАДИ – величественное здание, которое сразу же привлекает к себе внимание! Сколько же великих ученых, признанных во всем мире, прошли через стены этого здания! Даже в те годы, когда я учился, там работала и занималась научной деятельностью целая плеяда выдающихся ученых! И стать студентом этого заведения – большая честь для любого студента! Я и сейчас, когда бываю в Москве, стараюсь хоть иногда побывать в этом здании, постоять на кругу 2-го этажа, любимом всеми нами месте встреч студентов. Что касается общежития, я заселился в практически новое тогда еще, 1980 года построения, 16-этажное здание на Кочновском проезде, дом 7. Там стояло 2 корпуса по 16 этажей каждый. Находились они в пятнадцати минутах ходьбы от института, что было весьма удобно. И эти два корпуса общежития были нашей гордостью, потому что редко какой вуз в Москве мог тогда похвастаться такими новыми общежитиями с такими прекрасными условиями! На 1 этаже – современный спортзал, кафе-столовая, конференц-зал, большое фойе. На этажах - в каждом блоке из 2-х комнат прихожая, отдельное помещение под кухню, свои ванная и туалет. Отмечу, что часть студентов МАДИ, в отличие от нас, жили в

старых корпусах, в студенческом городке на «Соколе».

Первые дни в институте я исправно посещал все занятия. И заметил, что по многим предметам я выделяюсь среди сокурсников своими знаниями. И это в одном из ведущих столичных вузов! И уже к середине сентября (!) решил, что сессию сдам без проблем, что конечно же, было безответственно с моей стороны, скорее даже мальчишеством. И начались пропуски, сначала – единичные, а вскоре – чуть ли не все подряд. Должен заметить, что я, хоть и пропускал занятия, но учебу на самотек не пустил и старался заниматься самостоятельно. Брал лекции у сокурсников, в основном у девочек (они лучше писали лекции, чем мальчики), занимался по книгам, других материалов для занятий хватало. В общем, несмотря на пропуски, я старался быть в курсе учебного процесса. В итоге, к концу семестра у меня набралось более 400 часов пропуска из 600. Конечно, многовато, и это мягко сказано! Но сессию я сдал без хвостов. Если мне память не изменяет – три четверки и две тройки. На большее рассчитывать мне было трудно из-за пропусков. Могу смело сказать, что если бы не мои пропуски, точно за такие же ответы по каждому из экзаменов мне поставили бы как минимум на балл выше. Правда, я не придавал большое значение оценкам. Главное – сдать! Единственное, что задело мое самолюбие, это четверка по высшей математике, которую я по-прежнему знал очень хорошо. Забегая вперед, скажу, что по высшей математике у меня в дипломе все-таки стоит пятер-

ка, полученная мною на заключительном экзамене по высшей математике на третьем курсе. Но, до этого пока еще далеко.

Выше я написал, что более 400 часов пропуска за семестр из 600, мягко говоря, многовато. Увы, во втором семестре первого курса я практически в институте не появлялся. Был там считанное число раз! И это не преувеличение! Мне могут сказать, что такого не может быть и за это сразу исключают из института. Наверное, так и должно было быть. Но в моем случае все было так, как я пишу.

Опять-таки, хоть и не ходил на занятия, я занимался. И курсовые работы, или какие-либо другие обязательные к защите работы я делал и защищал их у преподавателей, в основном, во внеурочное время. Хоть и относились ко мне предвзято за мои пропуски, в защите работ мне помогало то, что делал эти работы я сам и разбирался в них неплохо. Конечно же, в ходе сессии начали возникать проблемы. И было бы удивительно, если бы их не было после всего этого! Три экзамена из пяти я сразу сдал на тройки, а два экзамена с первой попытки не сдал, правда, один из них пересдал через пару дней уже. Остался один экзамен - по теоретической механике. Между прочим, предмет достаточно серьезный и трудный. Прекрасно помню преподавателя - Гольдин Григорий Вениаминович. Он сразу сказал мне, что экзамен я ему вряд ли сдам, поскольку такого наглого студента он еще не видел. Причем, Григорий Вениаминович вел у нас се-

минары, а лекции читал другой преподаватель, по фамилии Хорев, имя-отчество которого уже не помню. Но авторитет Гольдина в институте был высокий, и он потребовал, чтобы экзамен я сдавал именно ему.

Через несколько дней я сделал вторую попытку сдать экзамен, но опять получил двойку. Как видно, Григорий Вениаминович держал свое слово. Я не стал делать из этого трагедию и решил оставить «хвост» (несданный экзамен) на осень. Официально разрешалось иметь два «хвоста», а у меня один, и я подумал, что в сентябре спокойно сдам. Тем более, уже начиналась практика по геодезии и заниматься пересдачей времени не было.

Практика по геодезии проходила в Подмосковье, в Химках, куда еще добираться надо было. Длится практика ровно месяц: недели три в поле, в Химках, потом неделя в институте, так называемые камеральные работы. Главным на практике был наш заместитель декана, а впоследствии декан, Судьин Михаил Иванович. Он же читал лекции по геодезии. К нему мы еще вернемся не раз. Царство ему небесное, его давно нет в живых. Это был человек, которого я очень уважал! Но с той практики Судьин меня выгнал и поставил двойку за практику. Это означало, что мне после второго курса надо потратить лишний месяц на эту практику. А выгнал за мое поведение, конечно. Терпение Михаила Ивановича лопнуло, когда в один из дней практики, уже имея от него замечания за опоздания и другие нарушения, я подъе-

хал на такси в тот момент, когда он заканчивал инструктаж студентов перед полевыми работами. Его задело не сколько мое очередное опоздание на практику, а провокационный, как он посчитал, мой приезд на такси прямо перед строем таких же, как и я, студентов. Добирались-то мы, в основном или электричками, или автобусами. А тут …такси! Со мной был еще кто-то из сокурсников, которого, разумеется, тоже выгнали с практики, как и меня, и поставили двойку.

А моя история с пересдачей оставшегося экзамена по теоретической механике превратилась в настоящий триллер! Фактически, разрешалось сдавать экзамен три раза: если ты и в третий раз получаешь двойку, тебя должны исключить. Поэтому в сентябре, прежде чем пойти на третью попытку (две уже были в июне), я основательно позанимался, особенно в решении задач. И пошел в конце сентября сдавать экзамен достаточно уверенным в своих знаниях. И… получил очередную, третью двойку. В принципе, меня уже должны были отчислить, потому что в четвертый раз направление на экзамен не дают. После этого я неделю не появлялся в институте. Потом все-таки зашел в институт, на разведку, не имея никакого плана действий, и несколько раз прошел мимо деканата в надежде случайно наткнуться на заместителя декана. Что и произошло. Поздоровался. Судьин сразу вызвал меня в кабинет к себе. Захожу. Михаил Иванович берет бумагу со стола и читает: «Приказ. За систематические пропуски занятий и академическую неуспеваемость студен-

тов Гаджимирзаева и Сеидова (единственный дагестанец из моей группы, Казик, табасаранец по национальности, кстати, два года воевал в Афганистане, начиная с первого же дня начала военных действий) исключить из института». Положил бумагу на стол, выдержал паузу и сказал: «Этот приказ пока не подписан. Даю вам еще один шанс. Берите направления в приемной и сдавайте свои хвосты». Отмечу, что декан наш Сильянов несколько лет подряд был занят научной работой, и все технические вопросы решал зам. декана Судьин. И от него зависело все. И еще добавлю, что секретарем в приемной нашего деканата работала наша землячка. По-моему, звали ее Айшат. Муж ее работал в одном из вузов столицы и занимался научной работой, а она работала в нашем институте.

Должен сказать, что к этому времени (а это уже было примерно 5-6 октября) все студенты нашего курса, кто имел «хвосты» по экзаменам, были отчислены из института, кроме нас двоих. Дня через три к ним присоединился и Казик, на которого тоже подписали приказ после очередной двойки. Через несколько дней, сдавая экзамен тому же Гольдину, получаю очередную, уже четвертую по счету, двойку и я. Причем, мне фактически и не пришлось отвечать на экзамене. Раз я пришел с направлением, Гольдин принял меня и практически без опроса поставил двойку. По идее, и на меня уже должен выйти приказ. Но почему-то Судьин не спешил меня исключать. Вызвал меня, спросил, в чем дело, почему опять

не сдал? Я сказал, что достаточно хорошо знаю предмет, но преподаватель пошел на принцип, раз я на занятия не ходил. Михаил Иванович подумал немного и говорит: «Ладно, бери направление и сдавай еще раз. Я скажу, чтобы приняли у тебя экзамен». Взял направление, пошел сдавать, и … опять двойка. Уже пятая!

Ну, думаю, тут уже приказ неизбежен. Сколько можно?! Хотите верьте, хотите нет, но Судьин опять не стал меня исключать. Скорее всего, он понимал, что дело не во мне, а в преподавателе, который принципиально не ставил оценку. Но и надавить на кафедру, чтобы экзамен принял другой, он не мог. Это все-таки прерогатива кафедры, а не деканата. Наступил ноябрь. До следующей сессии рукой подать, а я нахожусь в подвешенном состоянии. Еще первый курс не закрыт, а о занятиях второго курса и речи нет.

Недели две Михаил Иванович никаких действий не предпринимал. А я ждал развития событий, так как от меня уже мало что зависело. Наконец мне передали, что Судьин велел срочно явиться в деканат. Пришел. Михаил Иванович сказал, иди, бери направление и сдавай (!). Но если и сейчас не сдашь, сказал, тогда уже все, подписываю приказ. Взял направление и на следующий день пошел сдавать экзамен. Григорий Вениаминович спокойно выслушал меня и … поставил двойку. Шестую!!!

Что делать? Ясно было, что надо что-то срочно предпринимать, а то на этот раз приказ о моем отчислении точно не

заставит себя ждать! И я решил, пока Григорий Вениаминович передаст свои сведения по сдаче экзамена на кафедру и в деканат, время зря не терять. Прибежал к Айшат в приемную. Она была в курсе моих дел. Честно сказал, что опять получил двойку, и попросил у нее еще одно направление на сегодня же, но на имя лектора Хорева. Сказал, только дайте направление на его имя, остальное – мои проблемы. Должен сказать огромное спасибо Айшат, что она взяла на себя такую ответственность и дала мне направление, которое не имела права давать. Теперь для меня главное было, чтобы Хорев в этот день был в институте. Пошел, нашел его. Подождал окончания лекции, подошел к нему, поздоровался по имени-отчеству и сказал, вот, мол, направление, надо сдавать экзамен. Он, конечно, понимал, что это – пересдача экзамена, но про шесть двоек ничего не знал. Тогда он близко не подпустил бы сдавать. Я что-то сочинил, и уже даже не помню, что именно втирал ему по поводу такой поздней сдачи экзамена. Главное, у меня было направление на его имя, и он имел полное право принимать экзамен.

Хорев сказал, хорошо, пошли в кабинет. Билет давать не стал, у него их и не было при себе. Начал задавать вопросы, будучи уверенным, что раз до сих пор экзамен не сдан, быстро поставит двойку и отправит меня. А я ответил на один вопрос, на второй, на третий. Дал задачу, решил сразу. Еще задача, тоже решил. Удивился, спрашивает, а что же до сих пор не сдал, ты же хорошо знаешь предмет? Пришлось уже

объяснять ему ситуацию, в том числе, рассказал про шесть двоек тоже. Единственно, про то, что шестую по счету двойку получил именно сегодня, я промолчал. Хорев сказал, что, если бы это была не пересдача, а обычный экзамен, поставил бы пятерку, а так только четверку (!). А мне и тройки хватало. Поблагодарил, ушел. Зашел в деканат, к Айшат, сказал, что получил четверку. Она обрадовалась, что не подвел ее. Заходить к Судьину не решился. Я же еще не знал, как отреагирует на мою четверку Григорий Вениаминович!

Естественно, к концу дня Гольдин узнает, что после его двойки я сдал экзамен Хореву и ставит вопрос перед деканатом и кафедрой: как может студент утром получить двойку, а в обед по тому же предмету – четверку?! И как у этого студента могло оказаться еще одно направление на экзамен? Конечно, если бы не поддержка со стороны Михаила Ивановича и Айшат, меня тут же исключили бы. Какая была перепалка между деканатом и кафедрой, я не знаю, но было принято решение аннулировать четверку и создать комиссию для приема экзамена. Назначили дату и место сдачи экзамена комиссии – 4 декабря на кафедре теоретической механики.

Я пришел в назначенное время на кафедру. Сидит комиссия, кажется, четыре человека, включая Хорева. А Гольдина нет. Ждут все. Без него же не могут принять экзамен. Минут через пятнадцать появляется Гольдин и, как ни в чем не бывало, берет пальто из шкафа, надевает его и собирается уй-

ти. Комиссия в недоумении. Наконец, кто-то из членов комиссии не выдерживает: «Григорий Вениаминович, Вы куда? Мы же Вас ждали, чтобы принять экзамен». Гольдин на ходу отвечает «У меня нет претензий. Делайте, что хотите, мне все равно». Тут уже не выдерживают нервы у Хорева: «Как это нет претензий? Вы же настояли на комиссии, после того, как студент сдал мне экзамен. У меня вообще нет к нему претензий». Но Гольдин был уже в дверях, и так, не обернувшись, ушел. После этого члены комиссии минут двадцать проверяли меня на знания, задавали вопросы, дали пару задач, убедились, что я готов, и поставили тройку. Выше куда после всего этого базара?! Вот так 4 декабря (!) я закрыл первый курс и остался студентом МАДИ. И в первую очередь, за это спасибо Михаилу Ивановичу и Айшат.

Сдать-то сдал. Но это только первый курс закрыт. А на носу уже зимняя сессия 2-го курса. Меньше месяца до экзаменов, а я этим семестром вообще не занимался. Тем более начался один из самых трудных в институте предметов – сопромат! И вот тут мне пришлось засучить рукава, ходить на оставшиеся до конца семестра занятия, самостоятельно заниматься, ходить на консультации, готовить курсовые работы и защищать их, получать зачеты. И мне удалось получить зачеты по всем предметам и сдать сессию без хвостов, с пересдачей одного лишь экзамена. Учитывая, как для меня складывался семестр и когда я начал заниматься, это был большой успех! И самое, главное, я сдал экзамен по теоретиче-

ской механике самому Григорию Вениаминовичу (!), и причем, на четверку. Гольдин, который поставил за прошлый семестр мне шесть (!) двоек за один экзамен, на этот раз не просто поставил сразу четверку, но и сказал уже после экзамена мне слова, которые меня очень удивили и в то же время весьма тронули: «У тебя же золотая голова! Почему ты себя так ведешь, почему не ходишь на занятия? Любому другому студенту за такой ответ, как у тебя сейчас, я бы поставил пятерку, но тебе после всего, что было, пятерку не могу. Но считаю, что эта четверка у тебя твердая и заслуженная. Это дорогого стоит!». Честное слово, мне было приятно услышать от Григория Вениаминовича такие слова в свой адрес после всего того, что было раньше!

2-й семестр 2-го курса я вел себя образцово. Пропустил не более половины всех занятий, все курсовые защитил своевременно. И, соответственно, сессию сдал без приключений. То же самое было и с 1-м семестром 3-го курса. Между ними, сразу после второго курса, успел успешно пройти практику по геодезии, которую провалил в предыдущем году. Чуть ли не образцовым студентом стал!

После этих «успехов» я немного расслабился и за 2-й семестр 3-го курса умудрился опять пропустить более 70 процентов занятий. Надо отметить, что на 3-м курсе все предметы достаточно сложные и являются спецпредметами, так что шутить с ними не рекомендуется. Несмотря на такое количество пропусков, я ближе к концу сессии, засучив рукава,

начал много и серьезно заниматься. И сдал все зачеты, кроме одного предмета. Предмет этот – технология и организация строительства автомобильных дорог. Один из самых важных предметов в институте! Преподаватель мой по фамилии Андрулионис просто-напросто не дал мне возможность защитить курсовой проект по этому предмету, хотя работа была сделана и я готов был к защите. Аргумент преподавателя: «Я ни разу не видел Вас в течение семестра и допустить к защите не могу». Ничего на него не возымело действия. Нет, и все! И как я ни старался, бегал, просил, ничего не помогло. Андрулионис никому другому тоже не разрешил принять у меня курсовой проект.

В итоге я остался без зачета. А без зачета, даже единственного, к экзаменам не допускали. И у Судьина Михаила Ивановича был только один выход – отчислить меня, что он и сделал. И, наверное, это правильно! Рано или поздно так должно было случиться. Как говорится, сколько верёвочке ни виться, а конец будет! Вот так я целых три года ходил по лезвию ножа, но в конце концов удача отвернулась от меня, и со 2-го семестра 3-го курса меня отчислили из института. Хотя честнее будет сказать, что удача слишком долго была ко мне благосклонна, а я палец о палец не ударил, чтобы ее заслужить. Да и Судьину я уже надоел, наверное, если говорить откровенно.

Конечно же, я понимал, что это очень значимое событие в моей жизни со знаком минус, причем жирным. Но от то-

го, что я стал бы горевать и переживать по этому поводу, ничего бы не изменилось. Поэтому старался отнестись к этому философски. Тоже определенный опыт. Главное, чтобы правильно распорядиться в дальнейшем подобным опытом. Что касается дома, разумеется, никому не сказал, что отчислен из института. Зачем зря расстраивать родных? Подумал, придет время, скажу. Отчислили в июне, а сказал в декабре, когда уже призывали в армию.

Наверное, встает вопрос, откуда же столько пропусков? И чем же я занимался, если не ходил на занятия? Не знаю, мне сегодня трудно назвать одну причину такого количества пропусков занятий в институте, тем более, начиная с первого же курса. По крайней мере, я сам не видел других студентов, которые пропускали так много. Но одна из причин пропусков точно кроется в том, о чем расскажу сейчас. На первом курсе любимым моим занятием были картежные игры. Я был большим любителем профессиональных картежных игр: преферанс, французский покер, деберц, адидас, жокер, и достаточно неплохо играл в них. Но больше всего на первом курсе я играл в секу, на деньги. Это, пожалуй, одна из самых азартных и динамичных картежных игр. Причем, я всегда играл со старшекурсниками и, в основном, все это происходило ночью. Иногда наши картежные баталии продолжались сутками, а один раз, помню, мы играли подряд 92 часа (почти четверо суток) (!) с небольшими перерывами каждые пять-шесть часов. Бывало, выигрывал неплохо, а бывало, все

проигрывал. Всякое бывало. Я и на других курсах института продолжал играть в карты, правда, не так часто, как на первом курсе. Забегая вперед, скажу, что как только я женился в 27 лет, ни разу в карты на деньги не играл. Абсолютно уверен, что семейному человеку противопоказано играть в карты на деньги! Да и в другие картежные игры после свадьбы практически не играю, разве что крайне редко.

Конечно же, институтские годы это не только учеба (и даже не только карты). И жизнь здесь была еще более насыщенная и интересная, чем раньше. В институте время от времени устраивались очень интересные встречи с известными людьми искусства, спорта, которые представляли для нас определенный интерес. Например, хорошо помню сеанс одновременной игры в шахматы с Василием Смысловым, бывшим чемпионом мира по шахматам. Также запомнились встречи с известным актером Леонидом Ярмольником и Героем Советского Союза Русланом Аушевым. Встречались разными артистами, задавали им интересующие нас вопросы. По-прежнему ходил на многие футбольные и хоккейные матчи. Помню, как с другом ездили в Шереметьево проводить нашу футбольную сборную на чемпионат мира по футболу в Мексику, а на обратную дорогу до Москвы у нас денег не оказалось! Выкрутились как-то. Могу вспомнить, как мы, тысячи и тысячи студентов многих московских вузов, собрались на площади перед МГУ и пели песню «Подмосковные вечера»! Как раз на эти годы учебы выпало вре-

мя Всемирного фестиваля молодёжи и студентов 1985 года в Москве, где было много интересных встреч с молодежью из других стран. Мой друг Ибрагим Хайбуллаев был даже отобран для участия в официальных мероприятиях фестиваля. Ходили на концерты, фильмы, посещали разные выставки, парки, музеи.

Из концертов, на которых я побывал, в первую очередь вспоминаю знаменитый концерт 1983 года в Москве, в Олимпийском, французской группы «Спейс» во главе с Дидье Маруани, или, как еще эту группу называли, «Париж, Франция, транзит». Это было невиданное по тем временам для СССР лазерное шоу. Мне удалось тогда каким-то образом купить билет по своей цене – 15 руб. С рук цены на билеты были неподъемные. Скажу честно, удовольствие от концерта получил огромное, и в первую очередь от лазерного шоу. Вообще, за время учебы в институте посетил концерты Аллы Пугачевой, Александра Малинина, Игоря Талькова а также многих других исполнителей, групп «Наутилус Помпилиус», «ДДТ», «Чайф», «Алиса», «Бригада С» и др.

В Москве иногда проходили дагестанские мероприятия, встречи с нашими земляками, и, естественно, мы не оставались в стороне от этих мероприятий. Помню, в частности, встречи с Расулом Гамзатовым и Нуратином Юсуповым. Часто с друзьями собирались компаниями, отмечали разные события. В эти же годы в МГУ учились мои двоюродные брат Камиль Абачараев и сестра Амалия, с которыми, в первую

очередь, с Камилем, мы постоянно встречались и общались. В общем, скучать было некогда! Из тех, кто учился в мое время, в Москве и сейчас живут и работают мои друзья Севдулла и Алибек. Они - руководители дорожных предприятий в столице, мы с ними и сегодня с удовольствием общаемся, и встречаемся по мере возможности. Также из тех, кто учился тогда, отмечу Ибрагима Багдуева, Мирзу Буржунова, Ибрагима Хайбуллаева, Ибака-чеченца, с которыми тоже общаемся в наши дни, хоть и не часто.

Ну и, конечно же, мне приходилось подрабатывать себе на жизнь в разных местах. Жить-то надо было на что-то! У матери не было возможности мне помогать. Сестра старшая иногда старалась мне помогать деньгами, но это было редко и не могло удовлетворять моих потребностей. Весь третий курс я работал в булочном комбинате недалеко от общежития, в ночную смену, через ночь. Был неплохой заработок плюс еще когда в пять утра уходил с работы, женщины с работы всегда давали мне с собой целый пакет с булочками, сметану, масло. Что еще студенту нужно?! Рай! На первом и втором курсах я стабильно, как на третьем курсе, нигде не работал, но временами ходил на подработки: на мясомолочный комбинат, на железнодорожные станции вагоны разгружать и т.д.

Тем не менее, денег катастрофически не хватало. Конечно, не мне одному не хватало. Могли несколько дней на чае с хлебом и маргарином (да, именно, с маргарином, потому что

масло не всегда было по карману) сидеть. Часто помогала взаимовыручка между студентами-друзьями: сегодня у него есть деньги - кушаем за его счет, завтра есть у меня - кушаем за мой счет («Пойдем, братан, покушаем, трояк отыскал»). Была еще помощь от профсоюза института. Нам давали там талоны по 30 копеек, а кушали по этим талонам на 60 копеек. …Конечно же среди нас были и такие студенты, которые исправно получали денежные переводы из дома и которые не испытывали особых проблем на этот счет.

Наверное, надо сказать что в год поступления в институт, в 1983 году, я начал курить. И курил немало, пачка-полторы в день. А когда играли в карты, там сигареты и вовсе шли одна за другой. Помню любимое занятие студенческих лет: сидишь в кресле с чашкой сваренного в турке кофе в одной руке и с сигаретой в другой! Одно удовольствие! Можно даже сказать, визитная карточка студента! Конечно, когда не было денег, приходилось и окурки курить. Не без этого. В 1997 году, уже через пять лет после женитьбы, после нескольких неудачных попыток мне все-таки удалось бросить курить! И считаю это одним из своих достижений в жизни. И с кофе, кстати, тоже давно завязал. Могу выпить крайне редко, если бываю на каком-нибудь приеме или мероприятии, то неудобно отказываться.

Надо еще отметить, что, несмотря на свое такое отношение к учебе, я иногда умудрялся сдавать за кого-то экзамены тоже. Когда экзамен принимает лектор, он, конечно же, не

помнит многих студентов в лицо. Вот я и сдавал несколько раз за других в нашем институте сессионные экзамены. Еще пару раз успешно сдавал вступительные экзамены в разные московские вузы за других ребят. Был еще случай, когда я сдал три вступительных экзамена в один из махачкалинских институтов (не буду здесь называть, в какой именно), и этот молодой человек стал студентом.

Когда я окончил первый курс, к нам в МАДИ поступил учиться и мой двоюродный брат Руслан Абачараев, который окончил школу в Кумухе. Выбрал он факультет «Автомобильное хозяйство». Однако, окончив два курса МАДИ, он передумал и, отслужив два года в армии, поступил на первый курс МВТУ им. Баумана, которое в техническом плане котировалось и сейчас котируется выше. Руслан – очень одаренный человек, прекрасно разбирается во многих вопросах. Многие годы работал заместителем управляющего отделения Банка России — Национального банка по Республике Дагестан.

… Видимо, не зря есть такое выражение: все, что ни делается, - все к лучшему! Применяя данное выражение к себе, могу сказать, что если бы не отчисление из института, я бы в армии не отслужил. А между тем, считаю службу в армии одним из самых интересных и полезных периодов в своей жизни. За два года в армии я освоил, узнал, перенял столько всего, что за десять лет гражданской жизни можно не успеть.

До армии я еще успел поехать на месяц в Смоленскую об-

ласть, где после института по распределению работал мой друг и сельчанин Минкаил. Вообще, мы иногда ездили друг к другу в гости: то он мог наведаться ко мне в общежитие рано утром, то я к нему мог поехать. Ночь в поезде, и ты там уже. Поработал я тогда на уборке льна, заработал немного денег. Отработаешь день, тут же считают, сколько ты связал за день снопов, и получаешь наличный расчет. Очень честно, удобно и наглядно! Еще успел поехать в ноябре с друзьями в Дагестан, в табасаранское село Тинит, на свадьбу моего институтского друга Севдуллы. Поездка была очень запоминающейся, со множеством приключений по дороге! Студенты же! Может, не в последнюю очередь благодаря тому, что я был на их свадьбе, Севдулла и Ольга всю жизнь живут в любви и верности, создали прекрасную семью с двумя красавицами дочками и у них давно растут внуки!

9 декабря меня призвали в армию. Я должен был утром прибыть в военкомат недалеко от Белорусского вокзала. Всю ночь отмечали в общежитии с друзьями мои проводы в армию. А утром все это плавно перешло к военкомату: человек пятнадцать друзей приехали со мной туда, прихватили еще барабан с собой. Сам военкомат находился, если мне память не изменяет, на пятом этаже здания. И пока я там проходил необходимые процедуры перед отправкой на призывной пункт, на улице не умолкали музыка и танцы, да так, что наверху все было прекрасно слышно. Весь военкомат стоял на ушах, что военные спрашивали, что это за шум на улице,

что за музыка?! Вот так, на «высокой ноте», меня проводили в армию!

Часть 4. Кунашир, Кунашир, Кунашир, тебе я юность подарил…

И началась моя армейская жизнь. Привезли нас в Харьков, где я провел полгода в «учебке». Учебка есть учебка, и дисциплина там была строжайшая! Служил в ПВО, изучали радиолокационные станции. Обычно неделю проводили в городе, занимаясь и военной составляющей, и строевой, и политической подготовкой. А неделю под Харьковом, в учебном городке, на практических занятиях. Добирались сначала на электричке до железнодорожной станции, а оттуда марш-бросок с полным снаряжением (вещмешок и автомат за спиной) на 7-8 километров до учебного городка. Через неделю такой же марш-бросок обратно до станции. Зима была очень жесткая в тот год! Снега было видимо-невидимо, и мы проделывали свои марш-броски иногда по пояс в снегу! Конечно, не все выдерживали это, некоторые падали прямо в пути, еле дышали. Не скажу, что мне было легко, но выдерживал я нормально. Что касается изучения самой радиолокационной станции, ее устройства и принципа работы, то тут для меня вообще все было очень просто. Благодаря своей памяти, я выучил все там наизусть и прекрасно разбирался в станции.

После учебки, присвоив звание ефрейтора (кстати, самое

нелюбимое звание у солдат срочной службы), меня направили в войска. Поехали на поезде до Киева, оттуда самолетом – до Хабаровска. Далее – поездом до Ванино с остановкой в Комсомольске-на-Амуре, откуда уже – паромом до острова Сахалин. Дальше – на поезде до Южно-Сахалинска, и далее – самолетом до острова Кунашир. На остров нас прибыло человек пятнадцать-двадцать, но среди них не было ни одного из тех, кто отбывал со мной из Харькова – по пути следования составы групп постоянно менялись. Я прибыл на Кунашир 11 мая 1987 года после шести дней в пути.

С аэропорта нас привезли в расположение полка, где тут же распределили по разным подразделениям. При распределении какой-то майор спросил меня, знаю ли я закон Ома для замкнутой цепи. Для меня это не представляло труда, и я ответил. Майор говорит, отлично, пойдешь служить на РТОТ. Что такое РТОТ, я ведать - не ведал, но раз РТОТ, так РТОТ! Какая разница, где служить?! Правда, я даже к концу службы так и не понял, какое отношение закон Ома для замкнутой цепи имеет к РТОТ. Но это уже не столь и важно.

Коротко опишу место своей службы и остров Кунашир. РТОТ - рота танковых огневых точек. Точка наша располагалась в двух-трех километрах от берега Тихого океана в самом центре острова. Было нас в роте всего 35 человек: два взвода и отделение управления. Соответственно, офицерский состав: командир роты, два командира взвода плюс старшина роты в звании прапорщика. У нас было десять танков ИС-2 и

ИС-3, закопанных частично в землю таким образом, что работали они как пушки 122-калибра, которые свободно вращались вокруг оси на 360°. Сами танки ходить не могли. В общем, десять танковых огневых точек. Думаю, что не раскрываю военной тайны, так как с тех пор прошло почти сорок лет.

Кунашир – самый южный остров Большой Курильской гряды и одновременно самый ближайший к Японии, на который они претендуют в числе других. Обойдутся! Не для этого же я защищал эти острова, чтобы взять и отдать их японцам! А их остров Хоккайдо мы четко видели со своей территории за проливом Измены. Да, пролив так именно и называется, Измены. Длина острова – 115-120 километров, средняя ширина – километров 15. С одной стороны остров омывает Тихий океан, с другой - Охотское море. На Кунашире очень богатый и разнообразный животный и растительный мир. Есть растения, которые нигде в России, кроме Кунашира, не встречаются, например, белая магнолия. Очень много птиц, рыбы, тюленей. Красную рыбу – горбушу и кету – мы ловили прямо руками, когда они в августе-месяце шли на нерест из океана вверх по мелкой речке. И жарили, и коптили, и икру красную добывали. Этого добра у нас хватало, только вывозить с острова невозможно, а так на месте ешь сколько хочешь! На острове часто встречаются медведи. Был у нас случай, когда медведь загрыз насмерть солдата.

Виды на острове вообще уникальные! Такую красоту ред-

ко где можно увидеть! Вулканы Головнина, Менделеева и особенно вулкан-красавец удивительной формы Тятя, который прямо от берега океана вознесся ввысь почти на два километра! Удивительная картина! А сколько там скал причудливых и специфических форм! Или одинокий скальный утёс «Чертов палец» высотой с 5-этажный дом! Добавьте сюда горячие источники, гейзеры, теплые озера.

На острове несколько населенных пунктов, главный из которых - Южно-Курильск, расположенный прямо на берегу Тихого океана с населением в несколько тысяч человек – практически все переселились сюда из разных регионов страны и в разное время.

Надо сказать, что несмотря на всю красоту, погодные условия на острове весьма суровые. Минус 5-10 градусов зимой превращаются в жестокие морозы из-за непрекращающихся ветров и стопроцентной влажности. Соответственно, ходить зимой можно только в валенках, а то ноги тут же отморозятся. Вспоминаю случай, как двое солдат по какой-то причине оказались вдали от места службы, и когда они стали добираться до своего подразделения, погода испортилась вконец, и началась пурга. Кончилось тем, что один из них уже не мог идти дальше и замерз прямо в пути, а второй снял с первого бушлат, надел на себя дополнительно сверху, чтобы не замерзнуть, и еле живой добрался до места службы. Сейчас я не хочу давать моральную оценку поступку выжившего, тем более, что мы так и не узнаем никогда, как все бы-

ло на самом деле, а просто констатирую то, что было. Вот такие иногда случались у нас трагические истории.

Добавлю еще две вещи или же два понятия, которые у меня неразрывно связаны с островом Кунашир. Первое, рулежка - металлические рельефные полосы с отверстиями, длиной несколько метров и шириной, наверное, полметра. Они использовались на острове повсеместно. К примеру, взлетно-посадочная полоса в аэропорту Кунашира полностью состояла из таких металлических пластин. Их использовали также для всякого рода ограждений, площадок, дорожек и т.д. Ими был завален весь остров. Они там на каждом шагу, по крайней мере, когда я служил, было так. И второе - это бамбук. Растение это на острове встречается везде. Высотой до нескольких метров, с широкими листьями зеленого цвета. Местами они образуют на острове непроходимые заросли.

Вот в таком уникальном месте мне предстояло служить полтора года после полгода учебки в Харькове. Коротко опишу, как я служил и что там было примечательного. Жили мы вначале в палатках, где было два ряда нар, на которых мы спали. В палатке была печь-буржуйка, которую топили то дровами, то углем. Пока печь топилась, в палатке было жарко, но как только огонь угасал, быстро становилось холодно. Ближе к зиме откуда-то привезли вагончики, куда мы и перебрались из палаток. В них было два кубрика, а между ними в тамбуре стояла печь. Вагончики были расположены в виде вытянутой буквы «П», впереди – небольшой плац, а сбоку от

всего этого располагался спортивный городок с небольшой площадкой, турником, брусьями и т.д. Чуть выше, в метрах двухстах располагалась столовая, где мы питались. И еще выше располагалась позиция наша с танковыми орудиями, про которые я написал выше. Из стрелкового оружия у нас были пулеметы ДШК и ДТМ, которые мы устанавливали на танках во время учебных тревог, объявлявшихся довольно часто. И, конечно, за каждым был закреплен автомат АК-74.

Буквально рядом с позицией был большой подземный склад, доставшийся нам от японцев и находившийся на порядочной глубине под землей. Должен сказать, что склад был устроен так грамотно, что, если не знать, что там находится склад, его и заметить-то было трудно. И находился склад в отменном состоянии. Мы там хранили кое-какие материальные запасы. Разных подземных складов после японцев на острове было множество, к примеру, были склад правых сапог и отдельно, совсем в другом месте, склад левых сапог.

Что касается непосредственно службы, я вскоре уже получил звание сержанта и был назначен командиром орудия. Однако, через несколько месяцев был разжалован в рядовые прямо перед строем. Это было 31 декабря 1987 года в день Нового года, когда утром на построении командир роты, капитан Половинко Вячеслав Степанович, не сдержавшись после моего очередного нарушения, прямо в строю сорвал с меня сержантские погоны и заорал: «Будешь рядовым!». И, соответственно, я был снят с должности командира орудия

и поставлен наводчиком.

У меня с командиром роты во внеслужебное время были достаточно хорошие отношения. Он мог запросто подойти ко мне, сказать, дай закурить. Мы могли на какие-либо темы посидеть, поговорить. Но во время службы отношения были совсем другие. Количество моих нарушений настолько зашкаливало, что наказания - и достаточно серьезные - следовали одно за другим. Это и наряды вне очереди, и взыскания разные, и разжалование в рядовые, и арест на пять суток на губу (гауптвахта по-армейски), что само по себе удивительно, так как у нас наказания командиры всегда старались выносить какие угодно, но только не в виде ареста на гауптвахту. Связано это было с тем, что доставляло дополнительные хлопоты из-за того, что служили мы на точке, а гауптвахта находилась в полку. И за полтора года моей службы здесь с нашей точки (роты), никто, кроме меня, на губу посажен не был. Видимо, у Вячеслава Степановича окончательно накипело, и он не видел другой возможности меня наказать. Была также несостоявшаяся попытка перевести меня в другое подразделение. От более серьезных наказаний (к примеру, дисбат) меня всегда спасало то, что я был лучшим в роте по политической подготовке, что в восьмидесятые годы очень и очень ценилось, и к тому же на учениях при стрельбе из танковых орудий всегда показывал отличные результаты. Стрелять на отлично мне было проще, так как здесь зоркий глаз и меткость не требуются, как при стрельбе прямой наводкой, а

необходимо работать головой. При стрельбе по невидимым целям на 10-15 километров у тебя есть координаты цели и тебе надо навести орудие по этим координатам. Или же тебе надо самому вычислить координаты цели. Есть в артиллерии такая специальность – вычислитель, который должен при большом дефиците времени на специальном планшете путем ввода туда вводных данных и необходимых поправок вычислить координаты цели. Это достаточно сложная специальность, которая требует хороших знаний в разных областях, но я разбирался в ней хорошо и это мне сильно помогало при стрельбах на большие расстояния. Сейчас, видимо, другие методы существуют, такие, как использование БПЛА, ЭВМ или еще чего-то другого, но в мои времена надо было вручную все вычислять.

Из времен армейской службы я еще иногда вспоминаю, как мы заступали в караул. В пять вечера нас, назначенных в караул, выстраивали на плацу, и командир роты произносил громко и торжественно: «Приказываю заступить на боевое дежурство по охране морских границ СССР…» и далее по тексту. В этот момент, слушая командира, в душе возникало чувство гордости за свою страну, за свою державу, было ощущение чего-то приподнятого, величественного! И после этих слов командира мы шли каждый на свой пост с автоматом в руках.

Вообще, в армии было столько всего интересного, поучительного, запоминающегося, что обо всем рассказать невоз-

можно. Для полноты картины армейской службы приведу здесь несколько рассказов или, как я их называю, эпизодов из армейской жизни, написанных мною в разное время о годах службы.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

В один из январских дней, еще задолго до рассвета, объявили тревогу! Все моментально вскочили с кроватей! Надо оперативно надеть обмундирование, получить оружие и на позицию. Но получилось так, что я надеваю валенки, а ноги в них не лезут. Видимо, в темноте и спросонья кто-то перепутал валенки или я сам не те схватил. Но разбираться некогда - тревога объявлена! Под кроватью были мои обычные сапоги, и я быстро их надел, взял с оружейки автомат и пулемет ДШК и направился на позицию к своему орудию, наводчиком которого я был. Орудие - тяжелый танк ИС-3, закопанный так, что перемещаться он не мог, а башня вращалась вокруг свободно. То есть танк работал исключительно как орудие калибра 122 мм.

Отмечу, что еще две недели назад я был командиром этого орудия. Но, 31 декабря, прямо под Новый год, на утреннем построении командир роты капитан Половинко Вячеслав Степанович сорвал с меня сержантские погоны и заорал: «Будешь рядовым»! В общем, прямо в строю меня разжаловали из сержанта в рядовые «за систематические нару-

шения воинской дисциплины». Ну, рядовой, так рядовой...

Поднявшись на позицию, мы с командиром орудия Сергеем оперативно подготовили его к стрельбе, смонтировали пулеметы ДШК и ДТМ. И тут же услышал в наушниках голос командира роты: «Гаджимирзаев, ко мне!». Командный пункт (КП) командира находился в бункере метров через двадцать от моего танка. Прибежал, доложил. Вячеслав Степанович приказал срочно доставить пакет на наблюдательный пункт (НП) и добавил тихо: «Боюсь, другие могут с этим не справиться, поэтому вся надежда на тебя». Дело в том, что путь с КП до НП в январе месяце был не из легких. По прямой полтора километра, а так значительно больше: надо преодолевать подъемы, спуски, обойти зону расположения погранцов, пробираться через глубокие снега, кустарники и всякие там препятствия в виде катакомб. Плюс мороз, глубокий снег и сильный пронизывающий ветер!

А я между тем чувствую, что ноги мои уже начинают мерзнуть. Тем не менее, пользуясь тем, что в бункере тесно и не очень светло, специально встал так, чтобы командир не мог заметить, что обут я в сапоги, а не в валенки. Ответил: «Есть, будет сделано!», быстро повернулся и вышел.

Так как позиция наша располагалась на возвышении, необходимо было сначала спускаться вниз по крутому спуску к реке. Сапоги сразу же забились снегом. Кустарники царапали лицо. Из-за спешки успел несколько раз упасть. Фактически ног я уже не чувствовал, настолько они замерзли.

Несмотря на все это, я достаточно быстро пробирался, перешел реку, подъем, опять спуск, опять подъем. В конце маршрута необходимо было преодолеть ряд катакомб и по пересеченной местности выйти на НП. Могла быть еще одна опасность на маршруте - медведи, нередкие гости в этих краях. Буквально, месяца за два до этого был у нас случай, когда медведь загрыз солдата насмерть. Но, скорее, для них уже был период зимней спячки, а главное, у меня был автомат с двумя заряженными боевыми патронами магазинами. Так что в этом отношении я был спокоен.

На НП находились трое моих сослуживцев с отделения управления, которых сразу же после объявления тревоги доставил сюда тягач по объездной дороге. Я добрался, передал им пакет и кое-что на словах и ввалился в сырую землянку без сил, не чувствуя ног. Ребята сразу же оценили мое состояние. Один остался у наблюдательных приборов исполнять свои обязанности, двое других быстро что-то постелили на сырую землю, положили меня туда, сняли сапоги, портянки и начали массировать мне ноги. Только минут через тридцать непрерывного массажа я начал понемногу их чувствовать. К этому времени подоспел и горячий чай, кажется, с керосинки. Вот так, в первую очередь массаж и горячий чай вдобавок вернули меня в более-менее нормальное состояние. Ребята поработали на совесть! Думаю, опоздай я на маршруте хотя бы минут на пять-десять еще, проблемы с ногами были бы очень серьезные!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.